

БАДМИНТОН ПОД ДОЖДЕМ

ПРОЛОГ

В тот день шел дождь. Не сказать, чтобы очень сильный, но весьма неприятный. Час был ранним, а день воскресным, поэтому московские бульвары пустовали. По Крылатской в направлении поселка Екатериновка одиноко плелся мужчина среднего роста лет сорока пяти. Он был без зонта, без плаща и даже без головного убора. Строгий костюм и белая рубашка с галстуком выглядели на нем весьма нелепо. Нелепость к одежде не по погоде добавляли поднятый отворот пиджака, втянутая в плечи шея и жилистые руки, глубоко засунутые в карманы мокрых брюк.

Лицо прохожего было хмурым и в то же время решительным. Его челюсть была так оттопырена вперед, что каждый встречный мог догадаться, что этот человек решился на какой-то отчаянный поступок, который возможно совершается единственный раз в жизни. Не обращая ни малейшего внимания на морозящую сверху мерзость, он подошел к воротам двухэтажного особняка с железной оградой, открыл собственным ключом калитку и робко шагнул во двор. Его взгляд упал на почтовый ящик. В нем что-то белело. Хозяин машинально достал из него узкий конверт и без любопытства скользнул по адресату. Письмо предназначалось не ему. Он взглянул на обратный адрес, и его лицо вытянулось в недоумении. Мужчина проследовал через двор к крыльцу дома, не отрывая взгляда от иностранного конверта. Ступив на ступень, он поднял глаза на окна и, убедившись, что за ним не подглядывают, быстро распечатал письмо.

То, что незнакомец прочел, заставило его расширить глаза и снова бросить взгляд на окна спальни. На этот раз взгляд выражал не вымученную досаду, а искреннее изумление. Утренний гость одним махом перескочил через все ступени крыльца, вцепился в ручку двери с явным намерением рвануть на себя, но неожиданно задумался. В таком оцепенении он пробыл около трех минут, затем внезапно посмотрел на штамп. На штампе стояла дата 24 июня. «Датируется сегодняшним числом», — удивился мужчина и посмотрел на часы.

В то же мгновение он переменял решение. Спрятав конверт в карман, хитрец на цыпочках сошел с крыльца, воровато поднял глаза на окна второго этажа и, убедившись, что ночные шторы по-прежнему висят без движения, быстрым шагом направился прочь. Прежде, чем прикрыть за собой калитку, он в четвертый раз оглянулся на окна второго этажа и только после этого, что было духу, понесся в обратном направлении.

Этому незначительному на первый взгляд эпизоду (из-за которого бы не произошло нашей истории) предшествовало одно событие. Оно было настолько далеким и неправдоподобным, что упоминание о нем было бы высшей степенью несерьезности. Однако автор счел нужным рассказать о нем, хотя и не вполне уверен, что оно действительно имеет отношения к этому повествованию.

Ровно девяносто лет назад, тоже 24 июня, дальневосточный казак Тимофей Корягин проклял свою семнадцатилетнюю дочь Ульяну за то, что она собралась замуж без его благословения. Это произошло в 1911 году в шести верстах от Китайской границы в богатом казачьем селе, которое по странному стечению обстоятельств тоже называлось Екатериновкой. Видит бог, Корягин не хотел зла своей любимой дочери, поэтому всей душой желал, чтобы она не связывала жизнь с этим безродным бедняком Гришкой Дементьевым.

— Чиво? Породниться с Дементьевыми? Ишь, чиво удумала! Уж лучше с китайцами.

В ответ Ульяна презрительно хмыкнула, не выказав ни малейшего почтения родителю. Это была девка еще та. В семь лет она скакала на лошади, в десять попадала из ружья белке в глаз, в тринадцать освоила китайский, а в четырнадцать удрала в Китай, где устроилась гувернанткой в одну богатую семью. Через два года Ульяна вернулась в китайских шелках и с сундуком полным диковинного барахла.

Словом, в женихах ей отбоя не было, но красавице взбрело в голову выйти замуж именно за этого нерадивого Гришку, который только и был способен на то, чтобы целыми днями пикивать на гармошке.

— Все равно я выйду за него, — нахмурила брови Ульяна и дерзко топнула ногой.

Глаза пятидесятилетнего казака налились кровью. Он схватился за нагайку, но девка и не подумала шелохнуться. Разве запугать чертовку какой-то нагайкой, когда ее не устрасит и уссурийский тигр. Тимофей понял, что влиять на дочь уже не в силах.

— Чиво? Перечить батьке? Поди прочь с моих глаз! Моего благословения не будет.

Ульяна гордо потрянула волосами, развернулась и без какого-либо трепета вышла из избы. Матушка в слезах метнулась к отцу, но он отстранил ее рукой.

— Погодь! — гневно крикнул казак. — Если выйдешь за Гришку без моего согласия, я тебя прокляну! Христом-Богом клянусь, что прокляну! И тебя, и детей, и внуков твоих. И вы всю жизнь будете жить в нищете, жрать черный хлеб и спать на соломе. И к вам за всю жизнь не прилипнет ни копейки, а ежели прилипнет, у вас тут же ее и отымут. И ваш род с Дементьевым закончится в сумасшедшем доме...

Часть первая КОШМАРЫ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

1

В крови были руки, ноги, живот. Возможно, в крови была и шея, однако выше Лиана не видела. Возможно, что кровь хлестала прямо из горла, но женщина боялась подойти к зеркалу, потому что кровью была забрызгано и оно. Кровью были измазаны кафельные стены ванной и ледяные полы. Как она оказалась в ванной, да еще голой, Лиана не помнила. Она лежала на холодном кафеле, а, когда очнулась, увидела кровь. Впрочем, она очнулась не сама. Ей дали что-то понюхать. Кажется, нашатырки. Но едва Лиана разлепила веки, черная рука с куском белой ваты тут же испарилась.

Что случилось? Почему она в крови? Как попала в ванную? Полный провал! Нет! Она, кажется, помнила, как ее тащили. Но откуда и куда? А главное, кто?

Лиана поднялась с пола и быстро закрылась изнутри. Там за дверью кто-то затаился. Женщина чувствовала его дыхание. Она набралась силы и все-таки подошла к зеркалу. Сквозь кровавое пятно на стекле бедняжка увидела свое испуганное лицо и рубец на шее. Точно. Ей перерезали горло.

— Кирилл! — простонала женщина хрипло и вдруг осеклась, сообразив, что сюда ее затащил муж.

«Это сделал он», — внезапно подумала несчастная и еще подумала, что, тем не менее, ей больше не от кого ждать спасения. Она отщелкнула задвижку и осторожно толкнула дверь. В доме абсолютная темнота. Шторы плотно задвинуты, в гостиной не горит ночник.

— Кирилл, ты где? — прошептала Лиана и покрылась колючими мурашками.

Внезапно она вспомнила, что мужа в доме нет, поскольку два дня назад он улетел в Казань. И в ту же секунду из темноты вышел огромный человек во всем черном. Его лицо закрывала черная маска. Его руки были в черных перчатках. Единственно светлым пятном в этом явлении был сверкающий нож, зажатый в пудовом кулаке.

Лиана так завизжала, что мигом лишилась чувств. И больше уже ничего не помнила.

Несчастная проснулась в семь утра в собственной постели с сильно бьющимся сердцем. «Так это был сон?» — удивилась она. Боже, таких снов она еще не видела.

Женщина была в шелковой «ночнушке» и в трусиках-резинках. Первые две минуты она не шевелилась, прислушиваясь к звукам в доме. Однако ничего подозрительного не доносилось, кроме основательного тиканья напольных часов в коридоре.

Хозяйка робко вытащила из-под одеяла руку и внимательно в нее вгляделась. Никакой крови. Она отпихнула одеяло и впиалась в собственные ноги. Все безупречно чисто. Задрав «ночнушку», женщина осмотрела живот. Боже мой, чего она навоображала? Это был всего лишь сон.

Лиана поднялась, прошла по всему второму этажу, затем спустилась вниз, осмотрела каминный зал, гостиную, прихожую, кухню; заглянула в кладовку и во все закутки, какие были в доме, и только после этого позволила себе вздохнуть свободно.

«Кровь, вообще-то, снится к приезду родственников», — подумала она и напрягла лоб.

Кого же черти принесут в отсутствие мужа? Неужели свекровь из Нижнего Новгорода? О, только не это! Пусть лучше зарежут. Хотя приезжать без предупреждения — несколько не в ее стиле. Может, прикатит из Женевы двоюродный брат Кирилла? Нет, брат не прикатит. Что ему делать в этой вонючей Москве? Тетки тоже не намеривались прилетать, дядья повымерли, как мамонты. Так, кто же?

«Может быть, объявится какой-нибудь внебрачный ребенок Кирилла? — покрылась холодным

потом Лиана. — Вот это вполне реально». Кирилл всегда мечтал иметь детей. А она бездетная.

Бедная женщина опустилась на табуретку и печально уставилась в окно. Но разве она виновата, что у нее нет детей? Хотя, может быть, и виновата. Она застудила все свои женские дела в этих дурацких турпоходах. Спала на голой земле. И ради чего? Чтобы потом все вырезали к чертовой матери!

Да, Кирилл очень хотел детей. Это правда. А потом вдруг резко расхотел. Когда Лиана предложила взять ребенка из детского дома, Кирилл пришел в ярость.

— Пойми, я хочу своих детей, а не чужих! — прохрипел он с перекошенным лицом.

Таким Лиана его еще не видела. Она даже не подозревала, что Кирилл может быть таким злым. Потом муж, конечно, извинялся, а жена плакала. Но после этого Лиана больше не заводила разговор о том, чтобы взять из детского дома ребенка.

«А вдруг к этому времени у него уже был ребенок? — внезапно пронзило женщину. — А вдруг он сейчас не в командировке в Казани, а как раз в гостях у своего ребенка?»

Лиана тут же бросилась к телефону и набрала мобильный мужа. Последний не заставил себя долго ждать.

— Привет, Лиана. Уже проснулась? — услышала она спокойный голос Кирилла.

— Откуда ты знаешь, что это я? — кокетливо прощепетала женщина. — Ведь мой номер определяется как «неизвестный звонок». Ты находишься в своей секретной конторе?

— Нет. Я в гостинице. Но уже выхожу.

— То есть, ты в гостинице «Сатурн»?

— Ну да. А почему такой подозрительный тон?

— Дай мне телефон твоей гостиницы. Я хочу тебе перезвонить.

— Зачем? — удивился Кирилл.

— Сотовый могут подслушать. А у меня к тебе конфиденциальный разговор.

— Что за чушь ты несешь? — насторожился Кирилл. — Кому надо, подслушивать твои разговоры. Но если ты настаиваешь, я сейчас перезвоню...

— Ни в коем случае! Перезвоню я, — повысила голос Лиана. — Быстро диктуй телефон!

Через минуту она перезвонила по продиктованному номеру и облегченно вздохнула.

— Ну, что у тебя стряслось? — устало вздохнул Кирилл.

— Мне сегодня приснилось, что меня зарезали.

— О, господи! — простонал муж. — И это все?

— Мне снилась кровь. Очень много крови. А это к родственникам. Твоя мама не собиралась приезжать?

— Нет, — раздраженно ответил Кирилл. — Причем здесь моя мама? Когда ты, наконец, оставишь ее в покое? Может, объявятся какие-нибудь твои родственники... С Сахалина, например... А вообще, я думаю, кровь тебе снится потому, что ты ее боишься. Пока ты не переборешь в себе эту боязнь, она будет преследовать тебя до гроба. Извини, мне нужно убежать.

— Беги, если тебе некогда, — сухо ответила Лиана, и обиженно бросила трубку.

На самом деле она не обиделась. Не опасалась она и того, что их разговор подслушают. Ей просто хотелось проверить, действительно ли в данный момент ее муж находится в казанской гостинице «Сатурн»? В следующую минуту плутовка через справочную службу узнала, что номер, на который она только что позвонила, действительно принадлежит какой-то задрипанной гостинице в Казани.

Настроение тут же поднялось. В эту минуту даже солнце выползло из-за туч, и Лиана, взглянув в окно, сладко потянулась. Сейчас она примет душ, выпьет кофе и отправится к своей подруге Тамаре. Сегодня у нее выходной. Вот уж они перемоют косточки всем своим знакомым.

Лиана, напевая, прошлепала в ванную. Первым делом она посмотрелась в зеркало, отметив на щеке полосу от подушки. Затем внимательно взгляделась в белки глаз. Сегодня они красные, как будто не высыпалась. А ведь ночью, кажется, не просыпалась.

Хозяйка сокрушенно вздохнула и пустила воду. Она с удовольствием приняла контрастный душ, почистила зубы и сорвала со стены полотенце. Но вслед за этим сумасшедший крик оглушил оба этажа пустого дома. Под полотенцем зияла жирная полоса крови.

2

Напрасно Лиана думала, что подслушать разговор с мобильной трубки значительно проще, чем с домашнего телефона. По иронии судьбы именно их разговор с мужем услышала одна из операторов московской телефонной станции. Это получилось неумышленно. На один и тот же номер позвонили два абонента. Автоматика по сортировке не сработала, и один из номеров пришлось отключить вручную.

Оператор Галина Карганова широко зевнула, нехотя щелкнула тумблером и надела наушники. Однако с первых слов незнакомки зевоту сняло как рукой. Сон этой женщины не мог не

взволновать работницу станции. Ведь на днях ей тоже снилась кровь, но Карганова не знала, что кровь снится к родственникам, поэтому так сильно переживала — настолько сон оставил мрачное впечатление. Да и как не переживать, когда она, словно наяву, лежала на рельсах под каким-то мостом в луже собственной крови, и на душе было до того тоскливо, что хотелось умереть.

Но оказывается, для тоски не было причины. Это всего лишь означало, что к ним в гости нагрянет какая-то неожиданная родня. Уж не Сургутская ли невеста папаши, которую он до конца жизни не мог забыть? Впрочем, какая же она родня? Ведь отец так и не женился на ней. И правильно сделал. Ну, да Бог с ней, с родней! Не о родне сейчас речь. А речь о том, что правильно в народе говорится: мол, век живи и век учись. Оказывается, ее постыдная страсть к подслушиванию тоже дает своего рода знания, ибо человеку ничего не дается напрасно, даже порок.

Карганова обожала подслушивать с детства. Ни от чего в жизни она не испытывала такого наслаждения, как от собственного уха, приложенного к замочной скважине. Она подслушивала родителей в постели, подслушивала соседей за стеной, подслушивала мальчишек в школе, подслушивала девчонок в институте и даже — подруг из окна общежития, когда те возвращались из кабаков. В это полуночное время ее слух достигал невероятных высот.

У Каргановой ни от чего так страстно не билось сердце, как от желания подслушать секреты из чужой жизни. Может быть, поэтому она и пошла работать на телефонную станцию, а может быть, и не поэтому. Кто знает? Однако в данный момент она с большим интересом подслушивала разговор незнакомой женщины с ее мужем, забыв обо все на свете. Галина даже высунула язык от напряжения, чтобы не пропустить ни единого слова, а когда разговор закончился, она азартно переключилась на другого абонента, который позвонил на этот же номер в Казань. Карганова услышала другой женский голос: более юный и более раскованный:

— Привет! Это я. С кем ты так долго разговаривал?

— Олесья, наконец-то. Я так соскучился. Ты еще в Женеве? — голос мужчины сделался нежным.

— Пока в Женеве. Но ты не ответил на вопрос.

— С кем я могу еще разговаривать с утра пораньше? Неужели не догадываешься? — плаксиво ответил мужчина. — Не бери в голову. Как у тебя дела? Виктору звонила.

— Нет. Виктору не звонила. И не позвоню. Я стесняюсь. Это неудобно.

— Вот это зря! Он мировой мужик. Он поймет. И жена у него понятливая. Ты когда приедешь?

— Учеба заканчивается через десять дней. Но возможно, я еще задержусь.

— Боже мой! Десять дней без тебя... Я умру.

— Не умрешь. Жена не позволит.

— Не говори мне про жену, — по-бабьи взвизгнул мужчина. — Если бы ты знала, как она мне осточертела. Она достает меня даже здесь. Ей приснился сон, что ее зарезали — и сразу мне сцену. А у меня, между прочим, сейчас важные переговоры. Как меня все это достало! Дуре уже сорок три года, а я с ней нянчусь как с трехлетним ребенком. Я хочу нянчиться со своими детьми, а не с перезревшими тетками. Когда порхают юные девушки — это приятно, но когда на одной ножке прыгают тети, которым пора нянчить внуков — это самое отвратительное зрелище... Ой, Олесьенка, извини! Я опять о своем.

— Ничего. Я привыкла, — сухо ответила девушка. — Значит, сейчас у тебя переговоры? Не буду тебя отвлекать.

— О чем ты? Ты меня никогда не отвлекаешь. О, ё... лы-палы! Сотовый звонит. Сейчас я его отключу.

— Ладно, пока! Позвоню завтра в это же время. Целую!

— Подожди! Поговори со мной еще.

— Тебя ждут переговоры. Еще раз целую! До завтра.

— Подожди, Олесья! Я тебе не сказал самого важного... Э, черт!

Последнюю фразу мужчина проговорил на фоне коротких гудков. Прежде чем положить трубку на рычаг, абонент плаксиво простонал.

«Вот это страсти-мордасти? — хихикнула операторша. — Вот, оказывается, как бывает. Только одно непонятно, почему связь из Женевы в Казань идет через Москву? Надо будет спросить у инженера...» На этой мысли ценную работницу кто-то тронул за плечо. Галина вздрогнула и оглянулась. Над ней возвышался инженер.

— Опять подслушиваешь, Карганова? Эх, и накажет тебя Бог за это.

— Что вы, Владимир Петрович? Просто опять не сработало реле. Валит и валит на один номер, — виновато затараторила Галина, отсоединяя наушники.

— Смотри, Карганова! — погрозил пальцем инженер и удалился.

Однако через минуту на том же самом реле снова щелкали контакты. Галина не смогла удержаться, воровато оглянулась и воткнула наушники в гнездо.

— Кирилл! — услышала она истеричный крик. — Кирилл! Там, в ванной на стене кровь.

— Что? — прохрипел мужчина.

— Кровь на стене, за полотенцем. Кирилл, я боюсь! Прилетай скорее, я умру от страха.
— За каким еще полотенцем? — простонал Кирилл.
— За банным полотенцем, в ванной на втором этаже! Значит, мне это не снилось. Меня действительно зарезали. Я боюсь... Скорее вылетай обратно...
На этой фразе оператора кто-то тряхнул. Она взвизгнула и чуть не вывихнула голову. Над ней снова возвышался инженер.
— Карганова, я тебя зову, а ты не слышишь.
— Извините, Владимир Петрович! Здесь ячейка неисправная. Междугородка не срабатывает.
— Если не срабатывает, позови наладчика! Какого рожна ты здесь ошиваешься? — гневно изрыгнул инженер. — Марш на рабочее место!
Галина вскочила на ноги и торопливо направилась к своему столу.
— Еще раз увйжу, что подслушиваешь, пеняй на себя! — рявкнул в спину начальник.
Карганова плюхнулась на стул и с деловитым видом уткнулась в журнал. Когда инженер ушел, напарница подмигнула:
— Чего ты там слушала? Тебя оборались.
— Да так, фигню какую-то.

**Дежурному ГУВД капитану Меркулову
от старшего группы № 2
патрульно-постовой службы
сержанта Леонтьева**

Рапорт

Наш наряд прибыл в поселок Екатериновка ровно в 10.00 — через восемь минут после вашего сообщения. Гражданка Углова, хозяйка дома № 38, стояла у ворот своего дома. Она выглядела очень напуганной: была без обуви с мокрыми волосами, в банном халате. В руках Углова держала сотовый телефон.

Потерпевшая заявила, что у нее в доме находится посторонний мужчина. Мы произвели тщательный осмотр помещения и никого не обнаружили. Как выяснилось позже, сама она постороннего не видела, но, по ее словам, «почувствовала его всей кожей». В доме имеется только один вход, с фасада. Из него, по уверению Угловой, никто не выходил. Иначе бы она заметила.

Мы проверили окна и вскопанные участки земли под окнами. Никаких следов. На всякий случай проверили сигнализацию. Она работала безукоризненно. Однако, по словам Угловой, она ночью забыла сдать дом под охрану. Мы посоветовали не забывать.

После нашего осмотра хозяйка успокоилась и извинилась за вызов, пояснив, что муж в командировке, а ей всю ночь снились кошмары. Я ознакомил ее с мерой несения ответственности, предусмотренной за ложный вызов.

В 10.20 мы закончили осмотр и выехали на маршрут.

05. 08. 2001

3

Кирилл был очень раздражен. Он метался по гостиной, как лев по клетке, и еле сдерживался, чтобы не наброситься на жену с кулаками. Лиана же напротив — была спокойной и ничуть не чувствовала себя виноватой. Она поминутно поднималась с дивана, чтобы повиснуть на шее у супруга, но он отстранялся и сквозь зубы изрыгал:

— Сиди!

Лиана покорно усаживалась на прежнее место между двумя подушками и притворно вздыхала.

— Где? Где, я спрашиваю, твоя кровь?

— Была, — разводила руками Лиана. — А потом куда-то исчезла... Ты что, мне не веришь? Не веришь родной жене?

— Куда она могла исчезнуть?

Лиана снова невинно вздыхала и беспомощно разводила руками.

— Сама не знаю.

— Блин! Да сколько это может продолжаться? — страдальчески простонал мужчина. — Давай рассказывай по порядку как все произошло. Сначала ты вошла в ванную: никакой крови не было. А после того, как ты позвонила мне, она появилась. Так?

— Так! — грустно кивнула Лиана. — Хотя не совсем так. Когда я первый раз вошла в ванную, то сразу не заглянула за полотенце. Возможно, кровь была... Я заметила ее только после того, как приняла душ и сняла полотенце с вешалки.

— Я это уже слышал. Дальше!
— Дальше я сразу побежала к телефону и позвонила тебе на мобильный. Но твой мобильный был отключен. Ты зачем его отключил?
— Аккумулятор сел. Дальше!
— Дальше я позвонила в тебе в гостиницу. Но у тебя было занято. Я чуть с ума не сошла, пока дозвонилась. Ты с кем разговаривал?
— Сейчас это не имеет значение. Итак, ты позвонила мне и вызвала милицию.
— Да, вызвала милицию. Милиция приехала через полчаса. Я все эти полчаса стояла на улице. Босиком. Боялась заходить. А прохожие на меня смотрели и сочувственно отворачивались, — всхлипнула Лиана.

— Потом? — нетерпеливо щелкнул пальцами Кирилл. — Что было потом? Ты вошла с сотрудниками милиции в дом, и вы направились в ванную.

— Я не вошла с ними. Я осталась внизу. Я очень боялась.
— Неважно! Они втроем направились в ванную, и сказали, что никакой крови там нет. Так?
— Я сначала не поверила, — шмыгнула носом Лиана. — А потом поднялась и увидела, что крови действительно нет. А ведь она была. Точно была. Ты что, мне не веришь?
— Хочешь сказать, кровь стерли милиционеры?
— Нет, — капризно покачала головой Лиана.
— Куда же она делась?
— Не знаю...

Кирилл снова прошелся из угла в угол, с трудом сдерживая вулканические клокотания в груди. Он даже проскрежетал зубами, однако решил пока не повышать голос. Он спросил как можно мягче:

— Милиция обыскала дом?
— Обыскала.
— Ты успокоилась?
— Да.
— Тогда почему ты не перезвонила мне? Я был еще в Казани! Торчал в аэропорту. Из-за твоей дурацкой выходки я отменил очень важные переговоры. Ты хоть это понимаешь?

Лицо Лианы сделалось виноватым. Она мягко поднялась с дивана и подошла к мужу. Прильнув щекой к его небритой скуле, она плаксиво прошептала:

— Бог с ними, с переговорами. Зато мы снова вместе.

Трясаясь от негодования, Кирилл набрал полную грудь воздуха, чтобы разразиться грубой бранью, но в последующую секунду раздумал. Внезапно он понял, что это бессмысленно. Она действительно ничего не понимает и никогда уже ничего не поймет. Она всю жизнь жила в мире своих иллюзий, и ее уже ничто не выведет из этого состояния.

— Я из-за тебя потерял большие деньги, — произнес он мрачно.

— Бог с ними, с деньгами. Главное, что мы снова вместе. Посмотри, какая у меня грудь, — произнесла она невинно, расстегивая халат. — У женщин моего возраста уже груди висят как две тряпочки, а у меня, стоят как два холмика. Где ты найдешь лучше?

«Какой толк от твоей груди, если она ни разу не кормила?» — с раздражением подумал мужчина. Хотя злости уже не было. Была досада. «С ней надо что-то делать», — подумал он.

— Где ты еще видел такую грудь? — не унималась она. — Ты ведь меня любишь?

«Ненавижу», — произнес про себя мужчина. Однако сделал над собой усилие и на выдохе выдал:

— Да.

— Мы уже двадцать лет с тобой как голубок с голубкой, — проворковала она, усаживая его в кресло и по-детски забираясь к нему на колени. — Другие столько не живут. Ведь, правда?

— Правда, — буркнул мужчина, хотя правдой было то, что ему искренне хотелось скинуть ее с колен и дать пинка под толстую задницу. Почему он никогда не говорит ей правды? Потому что ей нельзя говорить правду.

— Тебе нужно показаться врачу, — мрачно произнес Кирилл.

— Зачем? — удивилась она.

— Но если у тебя галлюцинации, значит ты больная.

Лиана сняла руки с его плеч и обиженно посмотрела в глаза.

— Почему ты решил, что я больная?

— Потому, что тебе мерещится кровь.

— Мне не мерещится кровь. Я действительно ее видела.

— Куда же она делась?

— Не знаю, — хлопнула глазами Лиана и снова прильнула к мужу.

— Чем ты это объясняешь?

— Тем, что ты уехал и оставил меня одну, — ответила она капризно.

Кирилл снова заскрежетал зубами. Понадобились усилия, чтобы подавить в себе новую волну

ярости. После этого он произнес как можно убедительнее:

— Пойми, ты не даешь мне делать дела. У нас куча долгов. Из-за тебя я уже в четвертый раз упускаю случай разбогатеть.

— Не в деньгах счастье, — произнесла она бессмысленную фразу.

«Нет, с ней бесполезно», — вздохнул мужчина и отлепил ее от себя. Он сел к камину и закурил. Двадцать лет вот такой жизни, дебильной и беспросветной. И ради чего?

Неожиданно ему пришло в голову, что у нее началось то же, что и у тещи. «Это у них наследственное, — пронзило его. — Точно!» Но почему он об этом догадался только сейчас, когда хлебнул полную чашу? Вот скотство! Полжизни нет. Зато осталась вторая половина, в которой ее не будет. Это Кирилл решил твердо. Ее место займет другая.

При мысли об Олеся в душе у Кирилла зацвели нарциссы. Если бы не Олеся, то сегодня бы он точно схлопотал инфаркт.

— Значит, говоришь, была кровь, а потом исчезла, — переспросил Кирилл с насмешкой, выпуская дым в камин. — И значит, по-твоему, это оттого, что я тебя оставил одну на два дня?

— Да, — капризно подтвердила Лиана и топнула своей тумбовой ножкой.

Мужчина издевательски усмехнулся. Для семилетней девочки, такая выходка простительна, но для сорокатрехлетней тёти — не лезет ни в какие ворота. Он сощурил глаза и язвительно произнес.

— Завтра утром я отправляюсь обратно в Казань. А ты на ночь включай сигнализацию и сдавай дом под охрану.

— Ты снова меня бросишь? — с тревогой воскликнула Лиана. — Не покидай меня. У меня дурные предчувствия.

Мужчина смерил ее презрительным взглядом и грубо ответил:

— Плевать я хотел на твои предчувствия. Мне нужно делать дела.

4

Дела у Кирилла всегда шли неважно. Это была какая-то врожденная невезучесть. Хотя нет! До женитьбы Кирилл не чувствовал себя невезучим. Впрочем, какой прок сейчас об этом вспоминать? Он просто служил и не испытывал никаких забот. Квартиру дали сразу. Точнее, почти сразу, через три с половиной года после его прибытия в часть. Зарплату выдавали регулярно. И ее хватало. За два года холостой жизни он накопил на поддержанный «Жигуль». Для начала неплохо. Проблемы начались после того, как он женился на Лиане.

И надо же ему было жениться именно на Лиане? Как будто не было нормальных девушек. Да-да, нормальных, — он не оговорился. Нужно быть идиотом, чтобы не понимать, что с любой другой женщиной его жизнь не сложилась бы так нелепо. Да разве он с ней жил? Он только решал ее проблемы. Сначала ее, потом проблемы с ее мамой, потом проблемы с ее здоровьем, потом проблемы с финансами... Вот гнусность! Когда ему было время заниматься карьерой? Уже сорок пять, а он еще ничего не добился. Если бы Кирилл продолжал служить, то уже бы заработал гарантированную пенсию. А так, он опять на той же исходной точке, с которой начинал.

Самолет оторвался от земли. Сидящий в нем мужчина с тяжелой складкой на лбу устало закрыл глаза. Ничего, скоро все это закончится. Если выгорит дело, он в тот же день распрощается со своей благоверной и соединится с Олесей. При мысли об Олеся губы тронула улыбка. Кирилл всегда любил женщин такого типа, как Олеся. С чего он взял, что его идеал — эти беспомощные бабочки слонopodobного типа?

Хотя это не совсем правда. Мужчина лукавил сам перед собой. Лиану он любил. И любил до беспамятства. Но это было настолько давно, что казалось сном.

Со своей будущей женой Кирилл познакомился в походе двадцать лет назад. Произошло это следующим образом: на третьем году службы в одном из военных гарнизонов Подмоскovie Кирилл случайно встретил своего одноклассника Володю Харитонову, который возглавлял московский турклуб «Бумеранг». Володя сразу начал агитировать в поход.

— Не беспокойся! Мы не особенно надрываемся в походах, — пояснил Харит. — Нас называют «матрасниками», но нам на это наплевать. Наша цель, ни «как можно больше груза подальше отволочь», а как можно больше насладиться природой. Так что присоединяйся!

Кирилл не знал всех тонкостей отечественного туризма. Слово «матрасники» слегка его покорило, но не вызвало смертельной антипатии. В наслаждении природой лейтенант также не узрел ничего зазорного.

— Красивые девушки у вас есть? — поинтересовался он.

— Других не держим! — подмигнул руководитель клуба.

Вопрос для Кирилла был отнюдь не праздным. Можно сказать, насущным был вопрос. За пять лет учебы в военном училище и за два года служения в части, мужские физиономии так примелькались, что возникали порывы жениться на первой попавшейся. Но даже с первыми

попавшимися в гарнизоне ощущалась острейшая нехватка. Словом, можно сказать, только исключительно из-за девчонок Кирилл согласился отправиться в тот роковой поход.

Одноклассник не обманул. Турьё «Бумеранга» действительно не очень напрягалось в походе. Не пройдя по лесу и пяти километров, группа остановилась на двухдневный привал на какой-то обжитой поляне, на которой уже располагался в расслабленном состоянии основной состав клуба. Подавляющее большинство лежало на солнышке у своих палаток, две туристки копошились у костра, а один бородач играл на гитаре.

Кирилл сразу окинул взглядом женскую половину компании и понял, что у него с одноклассником совершенно разные представления о женской красоте. Это были грубые, бесформенные бабенки с прокуренными голосами и сальными волосами. Их лица были суровы и обветрены. Они были одеты в вылинявшие штормовки, трико и туристические ботинки.

Но это на первый взгляд. Приглядевшись внимательнее, лейтенант сквозь дым, котелки и грубую брезентуху разглядел две смазливые мордочки. Он тут же положил глаз на обе, но одну из них вскоре отмел. Девушка в штормовке села на бревно, по мужицки раскорячила ноги и закурила «Беломор». Курящих женщин Кирилл терпеть не мог. Вот в ту самую минуту, когда новенький перекинул все внимание на ее некурящую подружку, из леса в обнимку с каким-то небритым гавриком и вышла Лиана.

Ее щебечущий смех сразу огласил поляну. Все, кто были на ней, подняли головы. У мужской половины потеплело в глазах, у женской — на устах появилась усмешка. Кирилл, как и все, всмотрелся в сладкую парочку и подумал: «О времена, о нравы...»

А что мог подумать еще молодой военный, когда их вид был утомленным, а лица пунцовыми.

Нельзя сказать, что девушка сразу понравилась новенькому, но она отличалась от всех хотя бы тем, что не была одета в штормовку и туристические ботинки. Девушка была в красной футболке, черном трико, довольно выразительно обтягивающем бедра, и пляжных сланцах. Ее черные волосы были распущены, губы горели, глаза озорно бегали, а на голове покоился венок из ромашек. Девушка задержала долгий взгляд на военном, однако, пройдя мимо него, не произнесла ни звука.

После этого Кирилл заметил, что она бросает на него весьма любопытные взоры, и не только она. Но ее внимание было самым выразительным. Каждую минуту до слуха молодого лейтенанта доносился ее журчащий смех. Пожалуй, по обаянию с ней не мог сравниться никто, но Кирилл твердо решил закадрить блондинку, орудующую у костра с громадным половником.

У Светланы, так ее звали, были голубые глаза и просто осиная талия. Талию лейтенант усек в ту же секунду, как только она скинула штормовку. Светлана тоже с любопытством поглядывала на новенького, но была на редкость неразговорчивой. «Ничего, разговорю! — подумал Кирилл. — А после похода предложу подвести до дома». Однако судьба распорядилась по-другому.

После обеда «матрасники» решили совершить радикальный поход. Путь лежал через ручей. Все миновали его без проблем, кто перепрыгнув, кто пройдя по жердочкам, а кто просто по воде, поскольку день был знойным, и только Лиана продемонстрировала свою крайнюю беспомощность, оставшись на берегу. К ней ринулись молодые люди, но она неожиданно протянула руки к Кириллу. Лейтенанту ничего не оставалось, как взять ее на руки и перейти через ручей вброд. Ее тело было мягким и горячим. При воспоминании о нем у Кирилла и по сей день начинает клокотать внутри. А тогда едва не помутился рассудок. Когда он опустил ее на землю, потребовались усилия, чтобы отлепиться от ее талии. Она сделала реверанс, лукаво улыбнулась и упорхнула вперед...

Вот как было на самом деле, — вздохнул летящий в самолете мужчина, с неприязнью отметив, что эти воспоминания хоть и слабо, но еще продолжают волновать душу. Неожиданно в кармане зазвонил сотовый. «На такой высоте? — удивился Кирилл. — Похоже, судьба решила преподнести очередной сюрприз».

— Да! — выдохнул Кирилл, приготовившись к новой неприятности.

— Привет! Это я. Как прошли переговоры?

— Олеся, ты? — не поверил ушам мужчина. — Наконец-то. Я уже не знаю, что и думать. Ты, наверное, звонила в Казань? Но меня там не было. Я летал в Москву. В данный момент нахожусь в самолете. Удивительно, что ты до меня дозвонилась. Словом, возвращаюсь обратно. Если говорить коротко, то вчера переговоры не состоялись. Мне пришлось срочно вылететь домой.

— Зачем?

— Из-за жены! — простонал пассажир. — Если бы ты знала, как она меня достала! По-моему, у нее окончательно сорвало крышу. Вот наказание!

— Что случилось? Объясни!

— Ничего не случилось. Я тебе уже говорил: ей приснился сон, что ее зарезали. Сразу после твоего звонка она позвонила и закатила истерику, что никакой это, якобы, был не сон, а что ее действительно зарезали. Ты представляешь, какой бред? И с такой дурой я прожил двадцать лет.

— И ты сразу полетел к ней?

— А что мне оставалось?

— Ну и как она?
— Шизофрения чистой воды.
— Почему ты не сводишь ее к врачу?
— Ты разве не знаешь, почему? Сначала она должна вступить в права... А врач никуда не денется...

5

Лиана с Тамарой сидели в гостиной на диване и потягивали из фарфоровых чашек кофе. Хозяйка была в шелковом халате, пушистых тапочках и красной повязке на голове. Ее взгляд был томным, вид романтичным. У её подруги напротив: в лице читалась крайняя озабоченность. Она заметно нервничала и периодически поглядывала на часы.

— Да расслабься ты, — подала голос Лиана, заметив, что Тамаре не в кайф вся эта светская болтовня с церемонным поглощением кофе. — Успеешь домой. Посиди со мной.

— Мне сейчас нужно Алёшку забрать из садика.

— Муж заберёт, — отмахнулась хозяйка.

— И ужин готовить надо. У меня же нет поварихи, как у тебя.

— Муж приготовит, не волнуйся! — дернула бровью Лиана. — Он у тебя лучше всякой поварихи.

— Он, безусловно, лучше, — вздохнула Тамара. — Но ему, к сожалению, некогда.

— Ему некогда? — удивилась Лиана. — Да ну? Он же не работает! Он целыми днями сидит дома?

— Он не сидит. Он пишет докторскую.

— Тоже мне занятие для мужика. Знаем, мы эти докторские.

Тамара нахмурилась и поставила чашку на журнальный столик. Лиане это не понравилось. Она презрительно хмыкнула и светски покачала головой.

— Ты совершенно себя не ценишь. Не ценишь и не уважаешь. Посмотри на себя в зеркало, во что ты превратилась. Из тебя сделали служанку! У тебя такой вид, как будто ты разгрузила вагон картошки.

«Хотела бы я посмотреть на тебя, когда у тебя будет трое детей», — с досадой подумала Тамара, а вслух произнесла:

— Что делать? Приходится работать. У меня же нет мужа бизнесмена.

— Так заведи любовника! — выгнула брови Лиана. — Женщина не лошадь. Она не должна работать. Она создана для любви, а не для работы. Если мужчина этого не понимает, с ним нужно расставаться.

— Даже если дети? — сощурилась Тамара.

— Даже если дети. Ты очень распустила своего Виталика. Он живет в свое удовольствие, а о тебя ноги вытирает. Запомни, мужчин нужно постоянно держать в ежовых рукавицах. А ты даже в нужное время не можешь поставить мужика на место.

— А ты можешь? — съехидничала Тамара.

Глаза Лианы блеснули всепонимающим светом.

— Ты думаешь, почему Кирилл до сих пор от меня без ума?

— Ты уверена?

— Конечно, уверена! — возмутилась Лиана. — Я бы, как ты, не смогла. Однажды я почувствовала от Кирилла холодность, но тут же дала понять, что такую, как я, он больше не найдет.

— А, ну да, конечно, я забыла, — скептически пробормотала Тамара и отвернулась к окну, чтобы Лиана не заметила усмешки.

Но Лиана уже ничего не замечала. Она блаженно закатила глаза и с полуулыбкой прошептала:

— Это было нечто! В тот день шел дождь, а мы с Олегом играли в бадминтон. Это очень красиво — бадминтон под дождем. Олег до сих пор от меня без ума, — расплылась в улыбке Лиана. — Из-за меня он так и не женился. Представляешь, у него после меня не было ни одной женщины.

— Ты уверена? — хмыкнула Тамара.

— Естественно! — воскликнула Лиана. — Он мне недавно об этом сам сказал. Для него не существует женщин, кроме меня. Но я ему никогда не давала надежду. Только в тот день, когда мы играли в бадминтон под дождем. Это было десять лет назад. Подумать только: прошло десять лет. А кажется, что вчера! У Кирилла тогда что-то не ладилось с работой, и он сорвался на мне. Но я его проучила. В этот день к нам должны были придти гости на новоселье. Мы накрыли во дворе столы. Я одела голубую блузку с облачками и прозрачную плиссированную юбочку. А на голову надела веночек из ромашек, в котором Кирилла меня увидел в первый раз. Когда я вышла к гостям, все обомлели. Кирилл потерял дар речи, а Олег, который при встрече всегда говорил

комплименты, был настолько потрясен, что не смог произнести ни слова.

— Словом, все дружно промолчали, — иронично обобщила Тамара.

— Да! Все были потрясены! — воскликнула Лиана, не замечая скептического тона подруги. — А когда мы стали играть с Олегом в бадминтон, гости не могли оторвать от нас взглядов. Даже когда пошел дождь и Кирилл пригласил в дом, никто не тронулся с места. Все смотрели на нас. Потом все ушли в дом, а мы с Олегом сняли обувь и продолжали играть босиком на траве. Это было настолько прекрасно, что какая-то девочка, которая пробежала мимо нашего дома, остановилась и замерла, уставившись на меня восхищенными глазами. Она порывалась выразить свой восторг, но постеснялась. Так и убежала, ничего не сказав. Я в детстве тоже замирала при виде красивых девушек.

«С девочкой явно перебор», — усмехнулась про себя Тамара, а вслух произнесла специально грубым голосом.

— Ну, десять лет назад ты была далеко не девушкой. Тебе уже было, дай бог, все тридцать три.

— Для красоты не существует времени, — прощепетала Лиана и тут же принялась забалтывать щекотливую тему. — Словом, советую тебе завести бойфренда. Увидишь, твой муж сразу сделается как шелковый. Ничто так не освежает чувства, как ревность. После того бадминтона с Олегом, Кирилл больше не отходил от меня ни на шаг.

— Увы! — покачала головой Тамара. — Всему свое время. В двадцать лет любовная интрижка с бойфрендом возможно и возбуждает чувства юного мужа, но в сорок с лишним — извини! — можно получить обратный эффект. Сорокалетнему мужчине подобные выкрутасы ни к чему. Ему нужно совсем другое. Он хочет чувствовать себя главой семейства, а не идиотом. Ему нужен чистый дом, ухоженные дети, вкусный ужин. Сорокалетнему мужчине нужны стабильность и надежный тыл, а не великие потрясения. Так что твоим советом я, скорее всего, не воспользуюсь.

Тамара ехидно улыбнулась и поднялась с кресла.

— Ты хочешь уходить? — встревожилась Лиана.

— Да, мне пора. Меня ждут дети и муж.

— Но ведь Кирилл тебя попросил, чтобы ты пожила у меня, пока он будет в Казане.

— Что ты, дорогуша. У меня семья! — засмеялась Тамара и, подмигнув, направилась к выходу.

— Но я боюсь оставаться одна. Вдруг мне опять приснится, что меня зарезали, — плаксиво воскликнула Лиана.

— Ты что, дитя малое? — нахмурилась Тамара. — У тебя уже пенсия на горизонте маячит.

— И почему я не завела собаку? — простонала Лиана.

— Лучше бы ты ребенка из детдома взяла...

6

И зачем нужно было смотреть этот кровавый «ужастик» по НТВ, который закончился в половине второго? Лиана выключила телевизор и со стучащими зубами направилась в спальню.

Она стащила покрывало, взбила подушку, но прежде, чем лечь в постель, зябко оглянулась на дверь. Дверь была полуоткрыта. Пришлось вернуться и захлопнуть ее до конца, хотя это и было лишено смысла. Дом уже стоял под охраной. Лиана потушила торшер и юркнула под одеяло. Перед глазами еще мелькал маньяк-убийца из только что просмотренного фильма. Соображает она, или нет? Лучше бы на другом канале посмотрела эротику.

Когда часы в гостиной пробили три часа ночи, дверь в спальню отворилась, и в комнату скользнула тень. Если до этого Лиана и спала, а, скорее всего, пребывала в полудремоте, то в ту минуту проснулась окончательно. От страха она не могла не пошевелиться, не закричать. «Может быть, это продолжение вчерашнего сна? — мелькнула в голове робкая мысль. — Конечно же, это сон. Ведь дом под сигнализацией».

Скосив глаза на дверь, Лиана сквозь ресницы довольно четко разглядела черный силуэт в проеме само собой открывшейся двери. От страха женщина не посмела распахнуть глаз, продолжая наблюдать за этой жутью из-под ресниц. Ночной гость немного постоял в лунном проеме, затем бесшумно направился к спящей. «Нет, это все-таки снится, — подумала Лиана, — потому что наяву полы спальни скрипят».

В тот же миг половица под ногами черного человека скрипнула, и Лиана каждой клеточкой почувствовала присутствие инородного тела. Теперь она точно знала, что это не сон, но кричать уже было поздно. Мужчина подошел настолько близко, что онемевшая от страха женщина ощутила запах его пота. Когда черный человек поднес к ее горлу нож, Лиана тихо вскрикнула и широко распахнула глаза. Он был в черных перчатках и маске, в глазницах которой сверкали живые глаза. Они хищно щурились. Последнее, что остро ощутила женщина, холодное лезвие ножа, коснувшееся ее горла. После этого она провалилась в черную дыру.

Лиана очнулась от тихого скрипа двери над головой. «Дверь спальни никогда не скрипела, —

удивилась она. — И почему скрепит над головой, когда дверь располагается с противоположной стороны?» Это уже потом Лиана сообразила, что лежит не в мягкой кровати, а на холодном кафельном полу.

Женщина открыла глаза и с ужасом увидела подвесной потолок ванной. Она медленно скосила глаза на полуоткрытую дверь и больно ущипнула себя за бедро. Зрение не обманывало: она действительно лежала на полу в ванной головой к двери. Лиана подняла голову и истерично завизжала. Ее голое тело было в крови. В крови были кафельные стены ванной, а также дверь и зеркало. В проеме двери мелькнуло что-то черное. Женщина вскочила на ноги и молниеносно защелкнула дверь на задвижку. Затем без сил опустилась на корточки и прислушалась. В коридоре явно кто-то присутствовал. Лиана чувствовала его дыхание. Затем совершенно четко услышала шаги. На этот раз она ясно помнила, что муж в Казани и что она в доме одна, не считая кошки. Но шаги за дверью были явно не кошачьими.

В висках стучало так отчаянно, что было удивительно, как Лиана сохраняла здравый рассудок? Впрочем, не таким уж он был и здоровым. В голове шумело, в глазах двоилось. Больше всего Лиана боялась смотреть на кровь. «На этот раз точно перерезали горло», — подумала она с тоской. Но это ей уже казалось не таким ужасным. Самым ужасным было то, что находилось за дверью. Кричать было бессмысленно. От телефона она отрезана. «Истеку кровью, но не выйду отсюда» — решила она.

Лиана бесшумно поднялась с корточек и заставила себя взглянуть в зеркало. Шея была залита кровью, в районе кадыка чернел запекшийся надрез. «Не дорезал», — догадалась хозяйка и поднесла ладонь к шее. Боли не чувствовалось, и кровь, кажется, уже не шла, но облегчения от этого не было. «Нужно смыть кровь и посмотреть, насколько серьезно изуродована шея».

Женщина на цыпочках подошла к раковине и пустила воду. Но в то же мгновение дверь царапнули ногтем. Лиана быстро закрыла воду и замерла. Нет, она не ошиблась, в дверь действительно кто-то поскребся. Женщина дрожащими руками вцепилось в резиновую помпу, хотя это было лишено смысла, и вжалась в угол. Так прошло несколько минут. Лиана, затаив дыхание, стояла с помпой в руках и, не мигая, смотрела на дверь. Но едва она сделала движение, в дверь осторожно постучали.

— Что вам от меня нужно? — выдавила Лиана, покрываясь мурашками от собственного голоса.

Вместо ответа в дверь постучали повторно, но уже более настойчиво. Лиана всхлипнула и отчаянно прокричала:

— Уходите, или я вызову милицию!

Следом мощный удар кулаком сотряс дверь ванной. Лиана выронила помпу и закрыла глаза руками. На какое-то время сделалось тихо. Женщина даже услышала удаляющиеся шаги. Но радость была преждевременной. Внезапно над головой раздался тихий стук в стекло. Лиана подняла глаза на крохотное окошечко под потолком и увидела в нем черную голову в маске.

Женщина с визгом отщелкнула замок и вылетела в коридор. С криком «спасите» она понеслась вниз по ступеням в гостиную. По пути беглянка не встретила никого, ни в коридоре, ни на лестнице, ни в прихожей на первом этаже. Только, пробегая мимо кухни, она бедром наткнулась на стол и смахнула со стола чашку. Лиана хотела выбежать на улицу, но замешкалась с замками. Черный человек бесшумно подошел сзади и кожаной ладонью заткнул ей рот. И больше Лиана не помнила.

Когда она снова пришла в себя, то первое чувство, посетившее ее, было удивлением: «Неужели я еще жива?» Женщина долго не решалась открыть глаз, мысленно обследуя свое тело. Лиана не ощущала на горле боли. Не чувствовала она ничего необычного и в других частях тела. Бедняжка робко открыла глаза и с удивлением увидела, что давно наступила утро, а она, как ни в чем не бывало, преспокойно лежит в постели собственной спальни.

«Так это опять был сон? — еще больше удивилась она и подняла голову. — Не может быть...»

Лиана недоверчиво оглядела себя. Она была в ночной сорочке и в тех же трусиках-резинках, в которых ложилась вечером. Проснувшись бегло осмотрела живот. После чего вскочила и подбежала к зеркалу. Обследовав шею и для верности ощупав ее пальцами, Лиана пожалала плечами и вышла через полуоткрытую дверь в коридор. Никаких признаков постороннего человека в доме не ощущалось. К тому же на сигнализационном приборе горела красная лампочка, свидетельствующая о том, что сигнализация не срабатывала. С замершим сердцем Лиана заглянула в ванную. Но и в ней все было чисто. Никакой крови ни на зеркале, ни на кафеле. На всякий случай хозяйка сорвала со стены полотенце: под ним тоже все безукоризненно. Только после этого Лиана позволила себе спокойно вздохнуть.

«Еще один такой сон, и можно отправляться в психушку», — подумала она и встала под душ. Лиана знала, что страшный сон нужно смыть водой до полудня, тогда он не сбудется. После ванной настроение значительно улучшилось, хотя осадок остался. Еще, чтобы сон не сбылся, нужно до полудня рассказать его близкому человеку. Женщина посмотрела на часы. Было без пяти десять. Если поторопиться, мужа еще можно застать в «Сатурне».

Лиана легко сбежала в гостиную, прыгнула в кресло и сняла с аппарата трубку. Две первые

попытки дозвониться до Казани оказались неудачными. Номер срывало. На третьей — взгляд Лианы случайно скользнул по полу. То, что она увидела под столом, заставило ее похолодеть. Под столом лежала та самая чашка, которую она сбила во сне, удирая от черного человека. Лиана распахнула халат и уставилась на то место на бедре, которым она задела стол. На нем зиял синяк. Следом хозяйка вспомнила, что перед сном она плотно захлопнула дверь спальни, а утром дверь оказалась открытой.

7

В этот же день и в это же самое время оператор телефонной станции Галина Карганова, не дыша, подключилась к знакомой ячейке в надежде услышать что-нибудь новенькое в этой странной истории. Вчера она ровно в десять воткнула в гнездо наушники, но с казанского номера никто не отозвался, хотя звонки из Москвы поступали. Разумеется, из Казани и не могли ответить, потому что хозяин в ту самую минуту находился в воздухе. Однако с утра операторша каким-то особым чутьем уловила, что сегодня ее ждет удача.

Инженера в цехе не было, мастер тоже куда-то исчез. Напарница откровенно зевала и клевала носом. Лучших условий для подслушивания и придумать невозможно.

Карганова на всякий случай повертела головой и, убедившись, что на горизонте чисто, быстро подключилась к сети. Ждать пришлось недолго. Ровно через три минуты на казанский телефон начали набирать номер. Он дважды сорвался из-за окислившихся контактов в реле, однако на третьей попытке на том конце провода без промедления сняли трубку.

— Да, я слушаю! — произнес мужчина деловым тоном.

— Кирилл! — истерично вскрикнула женщина. — Со мной происходит что-то жуткое. Ночью меня опять пытались зарезать.

— Зарезать? — спокойно переспросил мужчина. — Кто?

— Не знаю! Какой-то человек во всем черном. Он был в черной маске, в черных перчатках и с ножом. Огромным. Срочно приезжай! Или я умру от страха.

По телу операторши пробежали мурашки. «Вот это ни чего себе», — подумала она.

На том конце провода образовалась недоверчивая пауза. Оправившись от такой заявочки, мужчина спросил:

— Где тебя пытались зарезать?

— Дома!

Карганова вздрогнула. «Какая жуть! — поежилась она. — Уже и дома спасения нет».

— Сигнализация была включена?

— Да.

— Она сработала?

— Нет.

В Казани снова воцарилось молчание. Затем раздался тяжелый вздох, и мужчина деликатно посоветовал:

— Прежде всего, успокойся! И расскажи по порядку, как все происходило?

— Тамара ночевать у меня категорически отказалась. Она ушла около семи. Ну, я сразу же после нее сдала дом на пульт, посмотрела «ужасничек» и пошла спать.

— Ах, «ужасничек»! — облегченно выдохнул мужчина. — С этого и надо начинать...

— Нет, ты все не так понял! — капризно вскрикнула женщина. — «Ужасничек» здесь ни при чем. Ты что, мне не веришь? Не веришь родной жене?

— Ну-ну! Продолжай дальше!

— Ты думаешь, что мне приснилось? Да ты просто бездушный человек! Ты предатель!

— Не отвлекайся! Рассказывай дальше.

— А что дальше! Ну, легла я спать. И вдруг мне снится, что дверь в спальню открывается и входит черный человек. В руках у него нож. Огромный.

— Значит, все-таки приснилось, — иронично вставил шпильку мужчина.

— Ну, почему ты никогда не дослушиваешь? — истерично взвизгнула женщина. — Может быть, ты со мной разговариваешь в последний раз.

— Лиана, излагай быстрее! Мне уже нужно выходить.

— Значит, тебе дела дороже жены? — понесло истеричку. — Значит твои дела важнее живого человека? Вот ты, значит, какой. А маскировался под порядочного...

Даже операторша в ту минуту чуть не воскликнула: «Да не тани ты резину, в самом деле! Дальше!».

— Лиана! Цигаль-цигаль, ай лю-лю. Я слушаю! Итак, вошел черный человек и перерезал тебе горло. Что дальше?

— Откуда ты знаешь, что он перерезал мне горло? — изумилась женщина.

— По твоей интонации. У всех женщин с перерезанными горлами почему-то одинаковые

интонации.

Лиана недоуменно замолчала, а Карганова вытаращила глаза. Потом, когда до нее дошел юмор, она, закрыв микрофон ладонью, покатила со смеху. Напарница удивленно подняла голову.

— Ты че, Гальк?

— Тише ты. Не отвлекай.

Недорезанная женщина, наконец, приобрела дар речи.

— Ты что, издеваться надо мной вздумал?

— Извини, Лиана, мне просто сейчас надо уматывать. Понимаешь? У меня сейчас важные переговоры. Пожалуйста, в двух словах: проснулась ты с нормальным горлом?

— Горло-то у меня нормально, а вот на бедре синяк...

— Я понял! Метил в горло, а попал в бедро. Бывает! Очень рад за тебя. Целую. Извини, я побегал! Я тебе перезвоню.

— Подожди! Так ты не прилетишь? — с отчаяньем вскрикнула женщина.

— Как все сделаю, так сразу прилечу. Мысленно я уже в полете. Пока, Лиана, пока! Если боишься, вызови милицию.

Мужчина бросил трубку, а женщина еще долго не могла успокоиться и все продолжала взывать к совести своего мерзавца-супруга. Наконец, уgomонилась и она, яростно бросив трубку. Карганова облегченно вздохнула. «Ну и придурочная у него баба, — покачала головой работница. — Как он только ее терпит?»

Галина поднялась со скамеечки и оглядела цех. В нем по-прежнему было безмятежно. Напарница положила голову на рукав и уже, кажется, слегка похрапывала. Операторша не снимала наушников, предчувствуя, что будет продолжение. Тут никакая женщина не успокоится, если метят в горло, а попадают в ляжку. И точно. На этом номере снова защелкало реле. Через три секунды раздались позывные гудки.

— Да! Я слушаю! — раздраженно произнес мужчина.

Однако на этот раз звонила не жена. Густой мужской бас, вежливо поздоровавшись, поинтересовался:

— Вы Кирилл Семенович?

— Да, это я! — отозвался мужчина, придав голосу деловитость.

— Это секретарь. Звоню вам из Москвы. Мне поручено передать, что ваша встреча с президентом переносится на завтра. Руководство срочно вылетело по делам.

— Я понял! — упавшим голосом ответил мужчина. — Спасибо. Всего доброго.

Карганова тяжело вздохнула, приняв близко к сердцу сорвавшиеся переговоры бедалаги, и уже собралась отключиться, как в ту же секунду на этом номере снова раздался звонок. «Ну, никак не оставят мужичка в покое», — подумала она и услышала знакомый голос девушки:

— Кирилл, привет! Это я, Олеся.

— Могла бы и не говорить, что это ты, — ответил мужчина бесконечно нежным голосом. — Я тебя узнаю по одному гудку. Я очень соскучился. Ты когда прилетишь?

— Ты же знаешь, когда. К чему пустые вопросы?

— Да-да, конечно, прости!

— Как твои сегодняшние переговоры? Ты к ним готов?

— Я к ним давно готов. Только президент перенес их на завтра. Снова звонила Лиана. А если она звонит, то все летит к черту. Это уже, как правило. Завтра я отключу все телефоны.

— Значит, завтра мне не звонить?

— Нет, конечно, звони. Ты мне приносишь удачу!

«Фу ты, ну ты, — сморщила нос Карганова. — Распушил хвост как павлин. Тыфу! До чего же противные эти мужики».

Галина еще позавчера заметила, что этот мужчина со своей законной разговаривает, как с малым дитем, все больше утешая, да успокаивая. А этой молоденькой свиристелке только жалуется и напрашивается на утешения. «Так она быстро его бросит», — сделала вывод Карганова.

— А зачем звонила жена? — поинтересовалась девушка из Женева.

— Требовала, чтобы я опять вернулся в Москву, — с раздражением ответил мужчина. — Ее опять во сне резали. Хоть бы зарезали окончательно. И наяву!

Мужчина коварно рассмеялся, а девушка ужаснулась.

— Что ты такое говоришь, Кирилл?

— Шучу! — поправился Кирилл.

— Ну, если переговоры завтра, ты можешь сегодня слетать к жене и успокоить.

— Ну, уж дудки! — усмехнулся мужчина.

После звонка Олеси Кирилл отключил телефон и лег на диван. От неожиданного безделья сделалось уныло. Скорее бы приехала Олеся. Без нее невыносимо.

Мужчина ослабил на рубашке галстук и закурил. Зазвонил мобильный телефон. По определителю Кирилл увидел, что снова домогается жена. Он с раздражением отключил сотовый и закрыл глаза.

— Как ты мне настоиграла, — прошептал он сквозь зубы. — Как я тебя ненавижу...

А ведь когда-то любил, и жить без нее не мог. Это факт. Мужчина вдавил сигарету в пепельницу и подошел к окну. Жарит как в Ташкенте. А ведь всего только десять часов. «Может быть, смотаться на пляж, чтобы убить время? — подумал Кирилл. — Нет. Что-то не хочется».

Он зашторил окна, включил вентилятор и снова пластом рухнул на диван. «Как получилась, что совершенно ненужная женщина оказалась рядом с ним?» — спросил кто-то внутри.

Нет, он не лукавил перед собой. Она действительно ему поначалу не нравилась: такая рыхловатая, с толстыми слоновьими ногами и неразвитой грудью. Природа как будто заранее знала, что этой женщине не суждено кормить детей.

Ее походка была несколько косолапой, лицо — самое что ни на есть обыкновенное, карие глаза, вполне заурядный нос, губы чуть припухлые, волосы черные. Однако когда она начинала щебетать, ее облик преображался. Она словно превращалась в бабочку.

Положа руку на сердце, Кирилл совсем не хотел клеить к ней. Он хотел клеить к Светлане, которая с каждой минутой нравилась ему все больше и больше. Но в ту роковую минуту Светланы по близости не оказалось. Она гибко и красиво перепрыгнула через ручей и пошла дальше, не обратив ни малейшего внимания на беспомощный визг туристки. Светлану Кирилл перенес бы более охотно, чем Лиану. Может быть, от прикосновения к ней, в солдатской душе пробудились бы более высокие чувства. «Хотя кто его знает?» — поморщился Кирилл и закурил новую сигарету.

Итак, еще до того, как он опустил Лиану на землю, Кирилл уже был дико воспламенен. Что в нем сразу проснулась любовь к этому чуду с венком — сказать нельзя. Но животная страсть самца к самке была разбужена. Весь оставшийся день его несусветно тянуло к ней, хотя лейтенант не мог не заметить, что на него с интересом поглядывала не только Светлана, но и та курящая Лариса. На него весь женский пол посматривали с интересом. И впоследствии Кирилл понял, почему.

Да потому что из всех имеющихся там орлов только он один имел профессию. Остальные были либо ночные сторожа, либо дворники, либо что-то в этом роде. Вероятно, еще сыграл и такой факт, что он единственный из всех прибыл в лес на собственном автомобиле, остальные — машин не имели.

«Женщины, они во все времена женщины, — криво усмехнулся Кирилл, — даже в том глухом семьдесят девятом, когда страна точно прыщами была покрыта всевозможными турклубами, презирающими материальные блага». Лиана, видимо, тоже презирала материальные блага, потому что всем рассказывала, что при виде Кирилла сразу почувствовала духовное родство. Причем настолько духовное, что тут же, не колеблясь, бросила этого чувственного дворника Олега, который ни много, ни мало, а писал стихи. Кирилл стихов не писал, поэтому не мог не оценить такую жертву Лианы.

Словом, все кончилось тем, что эта щебечущая хохотушка в тот же вечер перебралась к Кириллу в палатку, из которой они не вылезали два дня. Разумеется, после таких вольностей, ни о каком «подбивании клиньев» к Светлане не могло быть и речи. Это с точки зрения его офицерской чести. А ведь можно было и попробовать...

Кирилл скрежетнул зубами и нервно стряхнул пепел на собственные штаны. Ведь тогда после похода, к нему в машину набилось половины группы. Среди них была и Светлана. Кирилла еще удивило, что все, кто с пренебрежением смотрели на его машину в начале похода и презрительно ворочали носы от его выхлопной трубы, первые бросились к ней, когда выпала возможность доехать на транспорте. А ведь он хотел подвести всего лишь Лиану.

Итак, основная часть вылезла в центре, и в машине остались только двое: Светлана и Лиана. Сначала он подбросил Светлану, а потом поехал отвозить Лиану. А ведь могло быть и наоборот. Но нет. Наоборот уже быть не могло, — покачал головой Кирилл, с грустью выдыхая дым. — Он уже был ею ранен, а возможно и пронзен в самое сердце.

Ведь на завтра Кирилла снова ждали солдатские казармы, марши на плацу, потные портянки, грубые шутки офицеров. Утром опять начиналась портяночно-махорочная проза жизни, а сегодня вечером предстояло унылое возвращение на квартиру. Да, многое бы дал молодой лейтенант за то, чтобы провести этот вечер с Лианой. С кем угодно, только бы не оставаться одному.

Он довез ее до дома, и она, мило прощебетав какую-то благодарность, сделала ручкой, так и не пригласив к себе. Уже много позже Кирилл понял, почему она не пригласила его в тот вечер после похода?

Два месяца спустя, когда офицер все-таки переступил порог ее квартиры, то с изумлением застыл на пороге. Такого бардака он не видел даже в кошмарном сне.

— Что же вы остановились в двери? — с улыбкой прощепетала ее мама. — Сейчас я вас обуяю в тапочки.

Ну, прежде всего, Кирилл остановился потому, что путь в комнату преграждал эмалированный таз с водой, в которой плавала тряпка. За тазом были завалы из каких-то коробок, банок, ящиков. Мамаша вцепилась в одну из картонных коробок и высыпала все содержимое на пол. В ней-то и хранились домашние тапочки. Хозяйка долго выбирала одинаковую пару, да так и не выбрала. Дала две облезлые шлепанцы на левую ногу и с раскатистым смехом провела в комнату.

В комнате все было старое: комод, диван, шифоньер, сервант, круглый стол посередине. Кирилла посадили на жиденький стул, и он впервые в жизни почувствовал жуткий уют. Желтые потолки, потасканные обои, облупившаяся на полу краска. Кроме того, не успел он оторвать рта, как к нему на колени нагло запрыгнула кошка. Кирилл не особенно уважал кошек. Он и сейчас их не жалуется, но та кошка была особым экземпляром. Мало того, что ее морда была облезлой, а хвост с комками кала, она на штанах оставляла омерзительные клочки шерсти. Лиана с маман не заметили неудобства гостя от их домашней твари.

— Это наша Диночка, — прощепетали они с одинаковыми улыбками. — Она обожает мужское общество...

«Вот тогда бы ее и бросить, — скривился Кирилл, пульнув окурочек в форточку. — Как увидел этот Содом в квартире, так сразу бы и рвануть куда подальше». Тогда молодой лейтенант не знал, что истинная сущность человека заключается не во внешности, а в том клочке пространства, в котором он обитает. Женщина может быть шикарно одета, может благоухать ароматами, может быть намакияженна, напедикюренна, со вкусом расчесана и так далее, но если у нее в доме грязь и бардак, то вся эта внешняя атрибутика — не более чем театральная декорация. Жаль, что эту истину Кирилл усвоил слишком поздно. Уже на восьмом году семейной жизни.

— Вот, ёшкин кот! — проскрипел зубами, Кирилл и уткнулся лицом в подушку.

**Дежурному ГУВД капитану Калашникову
от старшего группы № 3
патрульно-постовой службы
прапорщика Гребенского**

Рапорт

В Екатериновку мы прибыли в 10.15 — через десять минут после вашего сообщения. Когда мы подъехали к дому № 38, увидели гражданку Углову, позвонившую в милицию. Она стояла на пешеходной части улицы, в трех метрах от своей калитки. Звонившая выглядела очень напуганной. Двери особняка были открыты настежь. Пострадавшая утверждала, что в ее доме находится посторонний мужчина. Мы произвели тщательный осмотр дома и никого не обнаружили.

Из разговора с ней выяснилось, что она не заметила, как посторонний мужчина вышел из помещения, хотя, по ее уверению, он пробрался в дом около трех часов ночи. Дом был сдан под охрану, и хозяйка затруднилась ответить, каким образом чужой человек проник в ее дом, не повредив сигнализации. Мы проверили сигнализацию на открытие дверей. Она была исправной. Что касается окон, то весь первый этаж обнесен оконными решетками, так что маловероятно, что посторонний человек мог уйти через окно. Так что утверждение Угловой о пребывании в ее доме посторонних вряд ли соответствует действительности.

После нашего осмотра гражданка Углова успокоилась и извинилась за вызов, заявив, что не исключает и того, что посторонний человек мог ей померещиться. Пришлось ознакомить ее с мерой несения ответственности, предусмотренной за ложный вызов.

Осмотр закончили и выехали на маршрут в 10.25.

06. 08. 2001

Из полузабытья Кирилла вывели детские крики за дверью. Он поднялся с дивана и выглянул в коридор. По этажу с веселым хохотом носились два мальчугана лет пяти. Кирилл улыбнулся, и под ложечкой у него засосало. Никто не знал, как он любил детей. Даже Лиана. Если бы она родила ему хотя бы девочку, он простил бы ей все. Но, увы. Видимо, ему не судьба иметь своих детей. Если бы он женился на Светлане, сейчас бы у него было двое сыновей и дочка. Это минимум. Кто же знал, что у него так получится с Лианой?

Они поженились ровно через год после знакомства. К этому времени Кирилл уже не мыслил себе другую жену. Как получилось, что молодой лейтенант в короткий срок возлюбил Лиану, как самого себя, он и сам не понимал. Не исключено, что она его приворожила с помощью какой-

нибудь старушки. Они с матерью часто обращались по всяким пустякам к бабкам подобного рода.

А возможно, в Лиане было что-то завораживающее. Не случайно же в любой компании она своим смехом и щебетанием сразу привлекала к себе общее внимание. Короче, сейчас поздно искать истоки ее обаяния, но факт остается фактом: Кирилл на ней женился, и первые семь лет был от жены без ума.

Когда они расписались, своей квартиры у Кирилла еще не было. Про то, чтобы жить у ее матери, не могло быть и речи. Каждый раз, когда жених приходил к ним в гости, он, будто задерживая дыхание, нырял в помойный водосток. Иногда начинались рвотные спазмы, но воин держался стойко, делая вид, что все хорошо. И только на улице Кирилл испытывал неимоверное облегчение. Словом, они сняли однокомнатную квартиру, где некоторое время жили без особых проблем.

В первый год семейной жизни выяснилось, что Лиана была безукоризненна только в постели. Ко всему остальному она была совершенно неприспособленна. Молодая жена не умела готовить. А если готовила, то у нее все убегало, подгорало, переваривалось. Ее супы и жаркое получались невкусными, но показывать этого было нельзя. Ее глаза тут же наливались слезами. В холодильнике вечно что-то портилось, протухало, покрывалось плесенью. Из мусорного ведра всегда чем-то несло. Ванная и унитаз имели исключительно ржавый цвет, а из бельевого бака без конца вываливалось месяцами не стиранное белье. Укорять ее в этом тоже было нельзя. Жену это искренне обижало.

Лиана не умела держать дом в чистоте. Приходилось после работы самому браться за веник и швабру. Причем лучше всего это нужно было делать с улыбкой. Если выразить недовольство, с Лианой мог случиться припадок. Кирилл решил и на беспорядок не обращать внимания. Ведь действительно, кому охота до блеска вычищать чужую квартиру?

Впоследствии проблему со стиркой решила стиральная машина, однако, чтобы что-то заштопать, пришить, починить — об этом не могло быть и речи. Лиана не умела даже вдеть нитку в иголку. Так сложилось, что приходилось не ей ухаживать за мужем, а мужу за ней. Она не заправляла постели, а если заправляла после некоторого нажима, то так неаккуратно, что Кирилл махал рукой.

Словом, как хозяйка, Лиана была совершенным нулем. Как жена — тоже никуда не годная. Ей нельзя было доверять деньги. Она транжирила на всякую ерунду, совершенно не заботясь о завтрашнем дне. Замечая, что мужу не нравится неоправданное расточительство, она изумленно разводила руками и искренне удивлялась:

— Неужели какие-то несчастные банкноты тебе дороже человека?

Когда вопрос ставился таким образом, возражать было нечем. Кирилл разводил руками и шел занимать деньги к Виктору, двоюродному брату. Брат выбор Кирилла не одобрял. Когда он приходил к нему в гости и демонстративно осматривал весь этот бардак, царивший в квартире, Кириллу было не по себе. Его чистоплотной жене Людмиле тоже было не по себе, но она деликатно делал вид, что в хозяйственном аспекте его родственника все нормально. Одна Лиана чувствовала себя прекрасно. Она порхала из кухни к столу, звонко смеялась и жеманно закатывала глаза.

— Вот пирог с клубникой! Клубника из нашего сада. Обалденный вкус! Правда, пирог немного подгорел, — раздражалась счастливым смехом Лиана, — но есть можно. Я не уследила, потому что красила глаза.

Она ставила перед гостями нечто напоминающее подметку, и Виктор, кинув взгляд на блюдо, произносил со скептической улыбкой:

— Лучше бы ты не красила глаза...

Гость тут же получал локтем от своей второй половины и добавлял невинно:

— Я хотел сказать, что с ненакрашенными глазами тебе лучше. Но это мое чисто субъективное мнение.

Лиана вприпрыжку уносила на кухню и возвращалась с залитым кофейником.

— Ой, кофе убежал! — произносила она удивленно и по-детски хлопала ресницами. — Но к нашему счастью убежал не весь.

Лиана церемонно разлила по чашкам кофе и звонко щебетала по поводу этих миленьких чашечек, купленных в Ленинграде. За эти чаепития с подгоревшими пирогами и печеньями Кириллу всегда было стыдно. Виктор это чутко улавливал, но предпочитал отмалчиваться. Хотя однажды, застав брата за мытьем посуды, он произнес с раздражением:

— И на кой черт тебе такая баба? Когда она перестанет порхать и займется хозяйством?

— Она не баба! — нахмурился Кирилл. — Она девушка моей мечты. И я ее люблю.

Виктор вздернул бровь и не нашелся что ответить. Он даже не рассмеялся, и больше эту тему не затрагивал. Тем более что вскоре после этого они с женой уехали в Женеву работать по контракту, предложив Кириллу перебраться в их квартиру. Но Кириллу уже не нужна была чужая квартира. Он получал свою. Почему-то казалось, что в своей квартире у них с Лианой все пойдет по-другому.

Однако у них не пошло по-другому. Его жена стала еще беспомощнее, чем была. Даже иной раз приходилось встречать ее после работы. Потом это вошло в систему.

Лиана работала во дворце пионеров. Вела кружок юных туристов. Она ходила всего два раза в неделю на три часа, но своей работой доставляла больше хлопот, чем, если бы сидела дома. К полудню «девушку» нужно было отвести на автомобиле во дворец, а к вечеру встретить и аккуратно доставить до дома, поскольку в метро она ездить не могла, а в автобусах ее укачивало. Единственный вид транспорта, который переносила супруга, был автомобиль. «И как она только жила до меня? — удивлялся Кирилл. — А если бы она вышла замуж за пишущего стихи Олега — вечного дворника? На метле бы он что ли ее возил?»

Словом, когда Лиана заявила, что работать больше не намерена, поскольку директор дворца пионеров домогается ее роскошного тела, Кирилл очень обрадовался. Ему меньше забот. А ее зарплата все равно ничего не решала.

Конечно, тогда молодой офицер не мог предположить, что с того дня Лиана вообще больше не будет работать. Честно говоря, это мало волновало Кирилла. Его офицерской зарплаты хватало на двоих. По наивности он еще не знал, что женщина без определенного рода занятий перестают быть женщиной. Она превращается в домашнее животное — требовательное, капризное и привередливое.

Но это понимание пришло через несколько лет. А в те годы он наивно полагал, что когда Лиана родит, то автоматически делается прекрасной матерью и великолепной хозяйкой, потому что почувствует ответственность. При мысли о будущем ребенке у Кирилла перехватывало дыхание. Ведь это счастье, когда в доме дети! Возвращаясь со службы, Кирилл часто ловил себя на том, что с завистью заглядывает в чужие коляски. «Без детей семья неполноценная», — думал он. И страстно хотел, как минимум, двоих: мальчика и девочку.

Когда Лиана забеременела, Кирилл был на седьмом небе. Те четыре месяца с животом, были самыми счастливыми в его жизни. Он боялся дышать на будущую мать своих детей. Каждый день примерный муж приносил домой цветы и фрукты. Он взял на себя домашнее хозяйство, которое и без того держалось на нем. Однако на пятом месяце из Лианы полилась кровь. «Скорая» прилетела на редкость быстро. Женщину спасли, а плод сохранить не удалось. После операции врач вышел в вестибюль и грустно развел руками:

— Очень сочувствую. Но она больше не сможет забеременеть.

10

Утром Карганова встала с тяжелой головой. Ей приснился престранный сон: будто она воткнула в гнездо наушники и сразу увидела того мужчину из Казанской гостиницы. Причем, увидела ни где-нибудь, а на экране осциллографа, словно в телевизоре. «Вот это номер, — подумала во сне Карганова. — А говорили, что эта фигомания только для наблюдения за напряжением».

Мужчина был средних лет, небольшого роста, с высоким гладким лбом и сидящими волосами. Его брови были хмуро сдвинуты, поэтому Карганова не смогла разглядеть глаза. Зато она зорко усекла черную полосу, вертикально проходящую через тело этого человека. Что означала сия полоса, Карганова не знала. Но догадывалась, что ничего хорошего.

Не успела Галина раскинуть мозгами на предмет черной полосы, как в номере у мужчины раздался звонок. Хозяин нервно поднял трубку, и Карганова на том же экране увидела бабёшку, которая доставала своими снами. Это была женщина лет сорока с испуганным лицом и вытаращенными глазами. Через все ее тело, подобно копы, тоже проходила черная полоса. «Вот это да! — удивилась во сне Карганова. — Чего только не бывает на свете?»

— Кирилл! — взвизгнула она. — Меня опять хотят резать! Скорее приезжай.

Лицо мужчины недоверчиво скривилось. Тяжело вздохнув, он произнес уставшим голосом:

— Лиана, не выдумывай! Сделаю дела и приеду.

— Ты можешь не заставить меня в живых! — всхлипнула женщина.

— Еще раз тебе говорю: не выдумывай!

И вдруг работница МТС вздрогнула. За спиной женщины, подобно тени, возник человек с ножом. Он был в черной маске и черных перчатках. Он был во всем черным. И белыми пятнами в его облике были только белки глаз, сияющие в глазницах маски, да блестящее лезвие ножа. Карганова почему-то подумала, что черный костюм этого человека и черные полосы супружеской пары каким-то образом взаимосвязаны. Но каким, операторша сообразить не успела.

— Гражданка, оглянитесь! — прокричала Карганова, вне себя от волнения.

И гражданка действительно оглянулась. Несчастная издала пронзительный крик и бросилась к окну. Запрыгнув на подоконник, женщина с ужасом оглянулась на своего преследователя и молча сиганула вниз. Черный человек бесшумно подошел к окну, перегнулся через подоконник и замер. Он не долго смотрел вниз. Темпераментно щелкнув пальцами, он подошел к тумбочке с телефоном и поднял трубку.

— Что случилось, Лиана? — спросил мужчина из трубки.

— Это не Лиана, это Олеся, — произнес черный человек голосом девушки. — По-моему, ничего не случилось, если не считать того, что твою жену попытались зарезать в третий раз. Как ты и хотел.

— Я не хотел! — растерялся мужчина. — Видит Бог, что не хотел...

Черный человек положил трубку на аппарат и оглянулся. В ту же секунду его глаза впились в испуганное лицо Каргановой. Работница быстро отключила осциллограф, но экран не потух. Она выдернула наушники из гнезда, но пытливые глаза из-под маски продолжали прожигать насквозь. Неожиданно черный человек сорвал с себя маску, и операторша похолодела. Это был инженер. Он нахмурил брови и произнес:

— Сколько раз тебе говорить, Карганова, Бог тебя накажет за то, что ты подслушиваешь чужие разговоры.

— Я не специально, Владимир Петрович! Здесь просто ячейка неисправная! — испуганно пролепетала Галина и проснулась.

Женщина долго лежала в постели с закрытыми глазами, не смея пошевелиться. Сон произвел на нее убийственное впечатление. Только истолковала она его по-своему. «Сегодня во что бы то ни стало нужно подслушать, — подумала она и выскочила из под одеяла. — Сегодня будет развязка».

И интуиция Карганову не подвела. Без пятнадцати десять она присела на скамейку у знакомой ячейки и принялась для конспирации подкручивать отверткой винты.

— Ты чего делаешь? — удивилась напарница.

— Реле регулирую. Тут плохо срабатывает.

— Больше делать нечего? Позвони наладчикам.

Карганова не успела ответить. На родной ячейке защелкали контакты. Галина молниеносно воткнула наушники в гнездо и услышала знакомый голос мужчины:

— Да, я слушаю.

— Здравствуйте! — сказал незнакомый мужской голос. — Кирилл Семенович Углов?

— Он самый.

— С вами говорит начальник отдела вневедомственной охраны майор Шерафутдинов. Сегодня ночью ваша жена в очень тяжелом состоянии доставлена в больницу.

— Что? — воскликнула женщина. — Лиана в больнице? Что с ней?

— У нее сотрясение мозга и, кажется, пара переломов. Но сейчас ее жизни ничто не угрожает. Она только что пришла в себя и дала ваш номер телефона.

— Но что с ней произошло! — воскликнул мужчина.

— Она выпала из окна второго этажа, — ответил Шерафутдинов. — Упала весьма неудачно. Ударилась затылком о кирпичи, которыми огорожена ваша клумба. Поскольку дом находился под охраной, естественно, сработала сигнализация. Выехала оперативная группа и дежурный электромонтер. Они обнаружили вашу жену во дворе дома под окном. Пострадавшая была без сознания. Наряд немедленно вызвал «скорую», которая оперативно доставила ее в больницу. В данный момент у вашего дома выставлена охрана. Вы должны немедленно вернуться в Москву для осмотра. Мы были вынуждены ночью вскрыть ваш дом, чтобы осмотреть.

— И что в доме?

— При осмотре опергруппой не обнаружено никаких следов пребывания в помещении посторонних.

— Боже мой! — простонал мужчина. — Неужели она сама?

— Совершенно верно. Она выпрыгнула сама. Так, во всяком случае, ваша жена сказала врачу. По ее словам, к ней в спальню ворвался вооруженный бандит, и ей ничего не оставалось, как броситься из окна.

— Он ее порезал?

— Не знаю! По-моему нет. Это вам нужно уточнить у врача.

— Что она говорила по поводу бандита?

— Этого я тоже не знаю. Бандитом занимается милиция. Наше дело — охранять объекты. Вам нужно срочно прилететь в Москву и посмотреть, все ли у вас в доме на месте.

— Но у меня через полчаса важные переговоры... Хотя какие к черту переговоры. Да-да, я понял. Я немедленно выезжаю в аэропорт...

Карганова слушала, затаив дыхание. Когда в обоих телефонах раздались короткие гудки, Галина прошептала, вытаращив глаза: «Вот это не фига... Просто мистика какая-то...»

— Что тебе не нравится, Карганова? — услышала Галина за спиной суровый голос инженера.

Работница вздрогнула и обернулась. Левой рукой она незаметно выдернула наушники.

— Непорядок, Владимир Петрович! Не срабатывает вот это реле. Уже какой день бьюсь. Весь спирт извела на контакты.

— Почему не вызовешь наладчика? — сдвинул брови инженер, подозрительно косясь на ее руки.

— Я вызывала! — соврала Карганова. — Обещали посмотреть и не посмотрели. Я уже устала их упрашивать.

— Хорошо, я разберусь, — произнес инженер и направился к выходу.

Карганова облегченно вздохнула, но в то же мгновение услышала, как на ячейке снова щелкнуло реле. Подключить наушники при инженере Галина не рискнула. Она деловито подкрутила отверткой какой-то шуруп и вернулась за рабочий стол, где ее напарница, склонившись над журналом, демонстрировала сверхъестественную деловитость.

Инженер не долго разгуливал по цеху. Он взглянул на приборы, отметил что-то в своем блокноте и вышел вон. Напарница тут же уткнулась лбом в журнал и захрапела. Карганова, схватив наушники, рванула на свою исходную позицию. Она воткнула штекер в гнездо и страдальчески застонала, потому что самое интересное прослушала. Разговор уже подходил к концу.

— У меня всегда за нее тревога, — жаловался мужчина плаксивым голосом. — Это какое-то наказание.

— Понимаю, — отвечала девушка из Женева. — За близкого человека всегда чувствуешь тревогу...

— Да ничего ты не понимаешь! Это совсем другое. Это словно отбываешь какую-то повинность. Впрочем, не об этом сейчас речь. Мне надо лететь в Москву. Извини, что я снова со своими проблемами. Звони мне на мобильный. Целую!

**Дежурному ГУВД лейтенанту Семенову
от старшего группы № 1
патрульно-постовой службы
прапорщика Кондратьева**

Рапорт

Мы прибыли на место сработки объекта в 03.15 — через двадцать минут после вашего сообщения. В доме № 38 свет не горел. Калитка была открытой. Мы решили разбудить хозяев. Посигналили из машины, но это не возымело эффекта. Тогда мы через палисадник прошли к дому и позвонили. Никто не ответил. В это время наряд производил осмотр вокруг дома.

Внезапно ребята увидели, что окно на втором этаже открыто настежь. Тут же в клумбе под окном (в пяти метрах от входной двери) мы обнаружили хозяйку дома. Она была голой и без сознания. Ее затылок был разбит. Лицо и некоторые части тела были в крови. Мы перенесли ее в машину и вызвали «скорую», а сами продолжили осмотр двора и сада. Когда подъехал электромонтер, мы разбудили двух соседей из прилегающих домов и взломали замок дома, поскольку было подозрение, что женщина не сама выпала из окна. По этому поводу она не могла дать никаких показаний, поскольку оставалась находиться без сознания.

Мы произвели внутренний осмотр дома и не обнаружили ничего подозрительного. Электромонтер подтвердил наше предположение, что сигнализация сработала от открывшегося на втором этаже окна.

Вскоре после составления протокола подъехала «скорая» и оказала женщине первую помощь, которая так и не пришла в себя. Мы выставили охрану и выехали на маршрут в 04.05. Протокол осмотра прилагаю к рапорту.

07. 08. 2001

Он сидел у постели Лианы, и внутри все стонало от жалости. Она была бледна и отрешена от всего земного. Даже на приход мужа женщина не повернула головы. Впрочем, повернуть голову было не так просто. Пострадавшую с ног до головы обмотали бинтами.

Кирилл осторожно взял ее руку, но она ее выдернула.

— Ты чего? — удивился он.

— Предатель, — всхлипнула Лиана.

Мужчина закусил губу. Это было истинной правдой, хотя он еще ее не предал. Кирилл снова взял ее руку и поднес к губам.

— Прости. Я не знал, что так получится. Мне нужно было делать дела.

— Ты отключил все телефоны, — прошептала она.

— Неправда! — возразил Кирилл. — Не отключал я телефоны. Просто меня целый день не было в гостинице. А на мобильном сел аккумулятор.

Ложь удалась. Лиана перестала вырывать руку. Она судорожно глотнула воздух и жалобно

простонала:

— Но ты меня вчера даже не дослушал.

— Прости. Вчера мне было дико некогда. Клянусь, что такого больше не повторится.

Мужчина клялся искренне. В ту минуту он и сам верил, что никогда не сможет совершить подлость по отношению к ней. Лиана, наконец, соизволила перевести свои влажные глаза на мужа.

— Правда? — пискнула она по-детски.

— Когда я врал! — стукнул себя в грудь мужчина. — Расскажи, что произошло!

Ее глаза наполнились ужасом.

— Мне снова перерезали горло в ванной. Мне каждую ночь режут горло. Я устала. Я больше не могу видеть кровь. Ты же знаешь, как я боюсь крови.

— Да-да, я все знаю! Успокойся! Тебе снова приснился этот сон...

— Это не сон! — прошептала Лиана. — Это чистая правда. Черный человек в маске преследует меня каждую ночь. Я не знаю, что ему от меня надо?

Лиана громко разрыдалась, и Кириллу пришлось приложить много усилий и такта, чтобы успокоить больную. Он погладил ее по щекам и поцеловал в лоб. После того, как она успокоилась, Кирилл спросил как можно мягче:

— Зачем ты выпрыгнула из окна спальни?

— А что мне оставалось делать? — судорожно вздохнула Лиана. — Он за мной гнался от самой ванной.

— Но как ты оказалась в ванной?

— Не знаю! С того дня, как ты уехал, я каждую ночь просыпаюсь в ванной с перерезанным горлом. И все вокруг в крови.

— Но когда просыпаешься утром, все нормально?

Лиана с укором взглянула мужу в глаза и произнесла.

— Утром нормально. Но до утра еще нужно дожить. Когда-нибудь я не доживу.

В это время в палату вошла медсестра. Она наклонилась к посетителю и вежливо прошептала:

— Извините. Пришли из милиции. С вами хотят поговорить.

Кирилл с готовностью поднялся и отправился за медсестрой.

— Ты куда? — встревожилась больная.

— Я сейчас приду.

Молодой прапорщик патрульно-постовой службы, прежде чем начать разговор с мужем пострадавшей, долго с тревогой вглядывался в собеседника. Наконец произнес:

— Сегодня ночью мы были вынуждены взломать двери вашего дома, чтобы произвести внутренний осмотр. Разумеется, мы это сделали по всей форме, с понятиями. Сейчас у вашего дома выставлена охрана. Так что можете не беспокоиться!

— Я не беспокоюсь. Вы все сделали правильно. Претензий к милиции не имею.

Глаза прапорщика радостно блеснули.

— У вас в доме хранились деньги? — спросил он деловито.

— Деньги? — удивился Кирилл. — Причем здесь деньги? Неужели вы думаете, что несчастье с моей женой случилось из-за денег? Я вообще не имею привычку хранить деньги дома. Я храню их в банке. Хотя в доме имелась небольшая сумма. Кажется, около пятисот долларов.

— В секретере на втором этаже? — спросил прапорщик.

— Совершенно верно, — подозрительно сощурился Кирилл. — Надеюсь, деньги на месте?

— Деньги на месте. Не волнуйтесь. Что еще ценного было в доме: бриллианты, золотые украшения, кинокамера, радиоаппаратура?

— Бриллиантов и драгоценностей у нас нет. Из золота только два обручальных кольца и три перстня. Кинокамера у нас довольно дешевая. Вряд ли на нее позарится уважающий себя вор. Аппаратура тоже старенькая. Вот ноутбук прихватить могли. Он дорогой. Еще несколько шуб у жены могли прихватить. Особенно соболью шубу.

— При осмотре мы видели соболью шубу в кладовке, — произнес милиционер. — Кинокамеру тоже видели на тумбочке в гостиной. Насчет ноутбука не помню. Словом, вы должны сами все посмотреть. Особенно обратить внимание на имеющиеся в доме ценности.

Кирилл недоуменно пожал плечами.

— Да нет у нас никаких ценностей. Я, конечно, посмотрю. Может, действительно что-то пропало. Но это вряд ли. Я вообще сомневаюсь, что в доме был вор.

— Мы тоже думаем, что не вор. Во всяком случае, никаких признаков того, что в ваших вещах рылись, мы не обнаружили.

— А что, были следы постороннего человека? — насторожился Кирилл.

— Это могут сказать только криминалисты, — уклончиво ответил милиционер. — Если вы напишете заявление с требованием расследовать этот инцидент, то эксперты произведут более тщательный осмотр в вашем доме.

— Более тщательный? Зачем? — удивился Кирилл. — Вы же осмотрели дом. На первом этаже

у меня решетки. На втором этаже сигнализация. Вы проверили окна второго этажа?

— Выборочно, — ответил милиционер.

— Тогда почему вы считаете, что в моем доме вообще кто-то был?

— Со слов вашей жены, — поднял брови прапорщик.

Кирилл горько усмехнулся.

— Она вам говорила, что за ней гнался черный человек с ножом? Гнался от самой ванной? Послушайте, чтобы открыть четыре шпингалета на окне в спальне, моей жене нужно минимум десять минут. Если за ней действительно гнались с ножом от ванной, от которой ходу двадцать секунд шагом, то ее бы давно зарезали.

— Вы хотите сказать, что это ей приснилось? — спросил прапорщик.

— Естественно! Черный человек расчленяет ее каждую ночь. Понимаете? Глюки у нее. У ее матери было то же самое. Но если бы только глюки, боюсь, что она еще и лунатик, — тяжело вздохнул Кирилл. — Я уже ничему не удивляюсь. Это их родовое. Их род проклят. Понимаете? Хотя я не верю ни в какие проклятия.

12

Ульяна тоже не верила ни в какие проклятия. Отчужденность родителя она почти не переживала, полагая, что скоро с ним это пройдет. Она любила отца, и знала, что отец тоже безумно любит дочь. Однако он не явился даже на свадьбу. Не явилась на свадьбу и матушка, вероятно, по настоянию отца. Не поздравили молодых и ее двое старших братьев.

Вскоре молодая чета Дементьевых переехала в другой поселок. Жизнь с Григорием действительно была не мед. Он предпочитал с утра до вечера раздувать меха на своей потасканной гармошке, нежели заниматься хозяйством. Поэтому вся работа по хозяйству легла на плечи Ульяны.

Тем не менее, нельзя было сказать, что дочь богатого казака была несчастлива со своим непутевым мужем. Бедность не удручало казачку. Ее волновало другое, что у них с Гришкой не было детей. Разумеется, свою бездетность Ульяна ни в ком случае не соотносила с проклятием родителя. Кажется, проклятие не собиралось касаться ее детей и внуков по той причине, что детей с внуками у нее не намечалось. После пяти лет супружества, Ульяна уже не надеялась родить ребенка.

Но проклятие казака, как будто в насмешку над ним, сказалось на его сыновьях. В 1914 году призвали на войну его старшего сына, и через полгода он погиб от немецкой пули. Не успели Корягины оправиться от горя, как через три месяца зарубили и второго брата Ульяны. Зарубили по-глупому, на пьяной гулянке, его же друзья-товарищи.

Матушка не выдержала потери обоих сыновей и слегла. От старшего брата осталась вдова и пятилетний мальчишка. Младший брат еще не успел обзавестись семьей, поэтому по нему плакала только мать. Что касается отца, то казакам плакать не полагается. Но судьба, видимо, на всю катушку решила потешиться над тем, кто высокомерно проклинал своих потомков. После смерти матери, которая так и не оправилась от удара, слег и сам Тимофей Корягин.

Несмотря на болезнь, он не забыл о своем проклятии и, когда к нему явилась Ульяна, грубо выгнал ее из дома. Ухаживать за больным стала сноха. Отец недолго прожил после смерти жены. В сентябре 1917 года он постыдно скончался в постели, а не на поле брани с шашкой в руках. Вот так провидение обошлось с упрямым казаком. Проклял род Дементьевых, а в результате проклятие пало на его собственный род. Впрочем, это было не совсем так. Из рода Корягиных остался пятилетний внук, сын старшего брата. Но он был настолько прозрачным и болезненным, что все казачки при виде него сокрушенно качали головами.

— Этот тоже долго не протянет, — вздыхали они.

Но горе горем, а после богатого есаула осталось полмиллиона золотом. Пока Ульяна предавалась семейному горю, Гришка, закинув гармонь, рыскал по Екатериновке в поисках завещания. Если б его не оказалось, то наследство бы перешло к родной дочери. Но завещание, к сожалению, было. И хранилось у нотариуса в Никольск-Уссурийске.

Когда красный от волнения казак ввалился в нотариальную контору этого городишки и взглянул на прыщавое лицо нотариуса, то понял, что шансов завладеть золотыми монетами тестя у него практически нет. Нотариус ехидным голосом зачитал последнюю волю покойного. В документе гласило, что все состояние, каким владел есаул Тимофей Корягин, завещается его внуку Федору.

— Да ну? Врешь! — почесал затылок Гришка. — Неужто ни копейки не завещано родной дочери?

— Ни копейки!

Казак покачал головой и опустил на табурет.

— Где справедливость? — пробормотал он расстроено. — Ну, какой из Федьки наследник. Это курёнок, а не пацан. Христом-Богом клянусь, что не нынче-завтра он помрет.

— Ежели помрет, то наследство перейдет его матери.
 — А ежели мать помрет?
 — То тогда ближайшим родственникам.
 — Это другое дело! — ожил Гришка. — Должна же быть справедливость. А то, что же получается, внуку со снохой все, а родной дочери дырку от бублика.
 — Наследство перейдет ближайшим родственникам матери наследника, — пояснил нотариус.
 — Братьям, сестрам. И еще ее второму мужу.
 — Тыфу ты, пес шелудивый! — зло сплюнул казак. — У нее родни — за ночь не порубаешь. Что же мне делать?
 — Отправляться служить! — зловердно произнес нотариус.
 — Служить, служить, всегда служить. Эх! — рассек воздух Гришка. — А что я со службы имею? Только мозоли на заднице! Вот ежели бы мне полмиллиона. — Казак поднял глаза на конторскую крысу. — Говорят, у моего тестя лежит в банке полмиллиона.
 — Пятьсот восемьдесят пять тысяч рублей, — сухо уточнил нотариус.
 — Мать четная! Больше, чем полмиллиона! — всплеснул руками казак и уткнулся мордой в собственную шапку.
 В таком оцепенении он пробыл несколько минут, после чего поднял голову и взглянул нотариусу в глаза:
 — Послушай, братец! Давай так, — Григорий трусливо оглянулся на дверь и снизил голос до шепота, — тебе восемьдесят пять тысяч, а мне полмиллиона. Только ты это того, завещание отдай мне. Как будто его никогда и не было.
 — Никак-с нельзя, — развел руками нотариус. — Незаконно.
 — Да по всем законам наследница есаула (чтобы ему пусто было на том свете!) его родная дочь Ульяна. Это тебе любой в Екатериновке скажет.
 — Нет-с! На что вы меня толкаете?
 Никакие уговоры и золотые горы в тот день не смогли убедить нотариуса переступить закон. Гришка вернулся в поселок полный злобы к пятилетнему Федьке и его матери. Он не сказал им, что они теперь наследники громадного состояния. Ульяна, узнав о последней воле отца, серьезно призадумалась.
 — Никому ни слова, — произнесла она после часового молчания. — А то позора не оберешься...
 Гришка на ее слова только сплюнул. Баба она и есть баба! Думал, что-нибудь путевое присоветует, а она — «позору не оберешься». Да плевал он на ее позор с китайской колокольни. Тут полмиллиона с лишним из зубов вырвали.
 Однако Деменьевы недолго пребывали в печали. Месяц спустя нотариус сам прикатил в Екатериновку и неожиданно явился к Гришке. Хозяин как раз сидел на завалинке, посасывал самосад, и уныло перебирал клавиши на своей потрепанной гармошке. При виде гостя казак так удивился, что не заметил, как на льняные портки упала дымящаяся сигарка. Нотариус был сильно озабочен. Прежде чем начать разговор он трижды огляделся по сторонам.
 — Кто знает о том, что покойный завещал наследство вашему племяннику? — спросил он, втянув голову в плечи.
 — Баба моя знает, — удивленно ответил Григорий.
 — Надеюсь, она никому не разболтала?
 — Да уж не из болтливых. А в чем дело?
 Нотариус приблизился к Григорию и, прежде чем наклониться к уху, еще раз подозрительно огляделся по сторонам.
 — Пожалуй, я решил согласиться на ваше предложение. Я отдам вам завещание, а вы мне сто двадцать тысяч. Как условились.
 — Почему сто двадцать, когда восемьдесят пять? — сдвинул брови Григорий.
 — Потому что вашей супруги нужно в короткий срок вступить в наследство. А это без взятки решительно невозможно-с.
 До Гришки, наконец, дошел смысл того, что предлагала эта бумажная крыса. Он выронил гармошку и схватил нотариуса за плечи.
 — Но это же незаконно! Вы сами говорили.
 Нотариус брезгливо высвободился из объятий казака и с тяжелым вздохом произнес:
 — Про закон забудьте-с. В Питере революция. Там национализировали все банки. Скоро начнется и здесь. Ваша супруга должна завтра же снять со счета Тимофея Корягина всю сумму. Нам надо поспешить, иначе мы можем не успеть. Вот так-с...

Странное дело, когда он на расстоянии, то снова начинает мыслить трезво. А когда рядом с ней, то словно проваливается в бездну, где, кроме Лианы, больше никого не существует. Однако чем дальше удалялся Кирилл от больницы, тем быстрее развеивалась жалость к Лиане. Когда он, наконец, сможет жить спокойно, без вечной тревоги за жену?

Внезапно Кирилла охватила досада: опять из-за нее сорвались переговоры. Если бы в первый раз! Это уже стало системой. Ведь если Кирилл не добился ничего в жизни, то исключительно по ее милости. Разве у него было время на карьеру, когда все до последней крупы утекало на ее капризы.

Мужчина остановился посреди улицы и закурил. А ведь точно: была бы у него другая женщина, скажем, та же Олеся, он бы далеко пошел...

При мысли об Олеся у мужчины потемнело в глазах и сильно зашумело в голове. Как избавиться от жены, чтобы воссоединиться с любимой женщиной? Ведь Лиана не сможет одна. Она беспомощна как избалованная кошка, никогда не выходившая улицу, и для которой улица смертельна. Сердце снова провалилось в пустоту, и Кирилл застонал от бессилия.

— Мужчина, вам плохо? — спросила какая-то женщина.

— Нет. Мне очень хорошо, — съязвил Кирилл и побрел дальше.

«Очень хорошо, — добавил он про себя. — Так хорошо, что хочется удавиться. А почему, собственно, он должен давиться? Не проще ли удавить ее?»

Мужчина усмехнулся и швырнул окурки мимо урны. Но почему сразу удавить? Пусть катится на все четыре стороны. Точнее, он сам уйдет. А ей оставит дом. Хотя нет. Дома, можно сказать, уже нет. Теоретически они бомжи. Тем лучше для них обоих.

Кирилл подошел к дому и толкнул калитку. Сразу бросилась в глаза затоптанная дорожка и сломанные цветы. «Менты повеселились от души», — усмехнулся Кирилл и приблизился к клумбе. Цветы были измяты, на кирпичках запекшиеся пятна крови. Когда Кирилл представил Лиану в клумбе, голой, беспомощный и без сознания, на душе заскребли кошки. Но чувство стыда не долго гноило утомленную душу.

Мужчина сильно тряхнул головой, чтобы выкинуть из башки эту неприятную и теперь уже бессмысленную картину и поднялся на крыльцо. Замок был выломан довольно грубо, дверь приоткрыта. В гостиной перед телевизором сидел милиционер. При виде хозяина он поднялся с кресла и поднес руку к козырьку. Полы в доме тоже были затоптаны, но никакого ожидаемого бардака Кирилл не обнаружил. Хозяин обошел дом. Все вещи были на своих местах. Собственно, красть у него нечего, кроме ноутбука, да собольей шубы жены. Но и то, и другое было на месте.

— Вы все внимательно осмотрели? — спросил милиционер.

— Да, все нормально. Можете идти, — махнул рукой Кирилл.

Милиционер тут же направился к выходу, предупредив, что, возможно, еще явится прапорщик для составления протокола.

Кирилл кивнул и устало погрузился в кресло, на котором только что сидел охранник. Немного поразмыслив, он поднял телефонную трубку, набрал нужный номер в Казани, но, услышав сигнал, торопливо водворил ее на место. Договариваться о третьей встрече было в высшей степени анекдотично, тем более что неизвестно, какие фортели еще выкинет жена? И так всегда. С тех пор, как он уволился из вооруженных сил, его жизнь пошла наперекосяк. А почему уволился? Опять-таки из-за нее. Это какое-то проклятье!

Мужчина придвинулся поближе к камину и устало закрыл глаза. «Все очень плохо», — подумал он и потянулся к сигаретам.

Плохо не потому, что все в жизни беспросветно (просвет как раз намечался), а потому, что из-за Лианы он не мог распланировать свое время даже на ближайший день. Еще десять минут назад, глядя на клумбу, сердце Кирилла сжималось от жалости, а сейчас он так ненавидел жену, что едва не скрежетал зубами. А ведь когда-то любил. И был счастлив.

Первые семь лет Кирилл действительно был счастлив. Её безрукость и непригодность к жизни не особенно удручали молодого офицера. Забот, конечно, было много, но все компенсировала постель. Молодая чета даже не очень тяжело пережила выкидыш, поскольку знакомая знахарка, вопреки уверению хирурга, заявила, что дети у них будут. По ее разумению, Лиану следовало всего лишь немного подлечить. Однако на это «немного» ушло более шести лет и, кроме того, — громадная сумма денег. Лиану поили травами, читали над ней молитвы, возили в святые места — и все бесполезно. Лечение требовало все больших и больших затрат. Это как в болоте, чем энергичней бултыхаешься, тем глубже засасывает. На восьмом году семейной жизни им обоим стало понятно, что детей у них не будет.

Изменилось ли его отношение к Лиане? Пожалуй, что да! В тот же день Кирилл почувствовал затылком, что она ему в тягость. Бесплодные женщины наводит такую же тоску, как бумажные цветы на могилах. Но это не значит, что Кирилл сразу разлюбил жену. Вовсе нет. Наоборот: тревога за нее усилилась, а вот нежность пропала. Хотя внешне Кирилл старался ничем не показывать свое охлаждение. Разумеется, никаких крамольных мыслей по поводу развода у него по-прежнему не было. Он решил просто смириться с судьбой.

Вот тогда-то и появилась возможность уйти из армии. Это произошло само собой. Сначала заговорили о сокращении в вооруженных силах, затем стали предлагать увольняться в запас добровольно. Кирилл с радостью уволился. Этому немало способствовал уехавший в Женеву брат. То, что он писал о жизни за рубежом, походило на сказку. У них в Женеве двухэтажный дом с мансардной, бассейном и сауной, две машины, яхта. Вечерами они сидят у камина, жарят на вертеле сосиски и пьют красное французское вино. А за порядком в доме следит служанка.

«Служанка? Кто бы мог подумать? — удивлялся Кирилл. — Вот буржуи. А в детстве не проявлялось».

Наличие служанки больше всего поразила воображение бедного лейтенанта. Неужели брат себе может позволить служанку? Для Кирилла этот вопрос был самым, что ни на есть, насущным. К этому времени он уже понял, что Лиана никогда не станет хозяйкой, а значит, в доме всегда будет бардак. Служанка бы сняла эту проблему, но где это видано, чтобы простой советский лейтенант мог позволить себе служанку?

Брат писал: «Тут идут разговоры, что в России скоро начнут делить народную собственность. Смотри, не проморгай свою долю. Хотя, конечно, проморгаешь...»

— А это мы еще посмотрим! — радостно воскликнул Кирилл. — А нас в роду, кажется, не было растяп. Спасибо, что осведомил!

Буквально на следующей день молодой офицер написал рапорт об увольнении и сразу же кинулся в буйный водоворот коммерческой жизни. Он почему-то был уверен, что на вольных хлебах разбогатеет мгновенно, как разбогатели его знакомые, едва открыли производственные кооперативы.

— Какой же я идиот, — прошептал Кирилл, швырнув окурок в камин. — Разве можно разбогатеть с этой пришибленной?

14

В тот день, когда был подан рапорт об увольнении из армии, Кирилл вернулся домой в необычайном воодушевлении. Начиналась совсем иная жизнь, вольная, гражданская, свободная — без уставов, маршей и гаупвахт. Уволенный ни капли не сомневался, что с этого дня его убогая жизнь на одну зарплату закончилась раз и навсегда. Теперь он разбогатеет быстро и без проблем.

Первым, чем занялся отставной лейтенант по совету знакомых кооператоров, шитьем пуховых курток, в которых тогда был страшный дефицит. Кирилл занял под большие проценты деньги, купил несколько килограмм гагачьего пуха, рулон плащевой ткани, кнопки, молнии и нанял работниц швейной фабрики для работы на дому. В это же самое время он взял и работницу по дому, будучи уверенным, что дела у него пойдут блестяще. Была и другая причина, по которой Кирилл обзавелся домработницей. Он почему-то думал, что жена окажет активную помощь в осуществлении его коммерческого проекта. Поначалу Кирилл вообще не планировал нанимать мотористок с швейной фабрики, наивно полагая что с шитьем они справятся сами. Однако Лиана категорически отказалась садиться за швейную машинку.

— Я не хочу портить глаза! — ответила она высокомерно. — И запомни раз и навсегда: я тебе не швея.

Ответ несколько обескуражил молодого кооператора, но не выбил из колеи. Несмотря на то, то пуховики шились на стороне, служанка в доме закрепилась. Впервые за семь лет семейной жизни Кирилл узнал, что такое чистота в доме. Что касается бешеной прибыли от задуманного предприятия, то в ней Кирилл не сомневался. Себестоимость первого десятка пуховиков получилась весьма внушительной — почти триста рублей. За такую цену продавали свои доморощенные куртки знакомые кооператоры. Однако качество их изделий было намного хуже, чем у Кирилла. И плащевка была более дешевой. И пух гусиный, а не гагачий. И кнопки кооперативные, а не фирменные. Новоиспеченный бизнесмен был уверен, что его пуховики разлетятся на «ура» по тысячу рублей за штуку. Вот здесь Лиана снова проявила характер. Она категорически отказалась ехать с мужем на рынок.

— Я не торгашка, — презрительно произнесла она сквозь зубы.

— А я кто, торгаш что ли? — возмутился Кирилл.

Однако делать было нечего. Кирилл выехал на рынок со своей продукцией, проторчал целый день на морозе, и не продал ни одной куртки. К его пуховикам подходили, с любопытством щупали рукава, распахивали полы, даже мерили, но когда узнавали цену, в замешательстве убегали прочь. Не продал он ни единого пуховика и на следующий день, и на третий, а на четвертый пришлось пять штук сдать в комиссионный магазин по пятьсот рублей. Больше не взяли.

Через месяц Кирилл понял, что предприятие провалилось. Он продал свои пуховики знакомому кооператору по двести рублей за штуку и испытал большое облегчение. Словом, затея не удалась. Он сработал себе в минус, да еще нахватал долгов. Пришлось перезанимать, чтобы расплатиться с кредиторами.

Следующее предприятие, на котором со свистом пролетел Кирилл, — это перепродажа сахара. Казалось, чего проще купить вагон сахара на складе в Москве по одной цене, а продать его на какой-нибудь Астраханский склад по другой. И в продавцах и в покупателях недостатка не было. Вся проблема была в деньгах. Такую сумму невозможно было выпросить даже под немыслимые проценты. Пришлось взять в долю богатого знакомого. Однако после того как сделка осуществилась, зажавшийся знакомый не поделился с автором идеи ни рублем.

— Почему я должен с тобой делиться? Я на свои деньги купил сахар, и сам же его продал. Причем здесь ты? — развел руками компаньон.

— Но ведь я нашел покупателя! — возмутился Кирилл.

— Покупателей пруд пруди. Главное, иметь деньги.

Это было настолько обидно, что Кирилл кинулся на него с кулаками. Однако и здесь потерпел неудачу. Охрана с резиновыми дубинками сделала из военного отбивную и выбросила на улицу. Кирилл поковылял домой, согласившись с тем, что главное в коммерции — наличие денег. Остальное приложится. «Нужно было вывернуться наизнанку, продать квартиру, машину, мебель, но самому осуществить сделку», — пришла запоздавшая мысль.

Кирилл поклялся, что если в следующий раз подвернется нечто подобное, то он уже так по-детски не лопухнется. Но, видимо, аналогичные удачи выпадают единственный раз в жизни. Бедняга полгода сидел на телефоне в надежде совершить невероятную сделку. Ведь стоит только раз удачно «крутануться», и ты миллионер. Его знакомые сплошь и рядом богатели от какой-нибудь единственной, но очень крупной перекупки, а Кириллу все не везло. За эти полгода он влез в немыслимые долги. Жить было не на что, а тут еще требовалось платить домработнице. Когда Кирилл пытался ее рассчитать, то наткнулся на жесткое сопротивление Лианы. Оказывается, она уже не мыслила дальнейшую жизнь без прислуги. Пришлось, скрипя зубами, оставить ее в доме, хотя денег не хватало даже на хлеб, не то, что на служанку. Но была надежда «крутануться». Одна удачная сделка, и он на коне!

Вспоминая свои метания, Кирилл сейчас, конечно, понимал, почему у него в то время не ладилось в бизнесе. Не потому что он такой невезучий, ленивый или тупой, а потому что никогда не дорабатывал до конца. Все, кто бок о бок трудились с ним в брокерской фирме, сидели на телефоне день и ночь. Кирилл же только до пяти, потому что ровно в шесть он кровь из носу должен быть дома, чтобы лишний раз не нервировать жену. Но и во время работы Лиана по сто раз на дню звонила по каким-нибудь пустякам, отвлекая на себя все внимание. Из-за этого Кирилл никак не мог сосредоточиться по-настоящему. В то время жена посещала бассейн, массажный и косметический кабинеты и еще ходила на какие-то курсы. Ее совсем не волновало, что они более полугода живут в долг. Дела мужа ей всегда были до фени. Лиане хотелось красивой жизни и не хотелось знать, как эта красивая жизнь достается.

— Сука! — гневно сплюнул в камин мужчина. — Все из-за тебя, твари...

В те годы бедолаге несколько раз на дню приходилось срываться из офиса, чтобы свозить Лиану по ее делам. «Да она просто не давала работать!» — удивлялся мужчина. Но почему прозрение пришло только сейчас? Когда она рядом, Кирилл словно в тумане: перестает ясно мыслить и живет только ее проблемами. Он — ее пожизненная нянька. Но с какой стати?

Из брокерской фирмы пришлось уйти. Точнее, попросили уйти. Что делать? Кирилл начал возить мыло в Волгоград. С большими оптовыми поставками не получалось, а мелкооптовые сделки, таскаемые на горбу, более-менее удавались. За три месяца «челночества» удалось с грехом пополам вылезти из долгов. Но только вылезти, не более того. На четвертом месяце с Лианой произошел первый нервный срыв. И как раз в тот момент, когда он на всю наличку закупил товар и купил билет СВ до Волгограда.

— Или ты перестанешь меня оставлять одну, или ты меня больше не увидишь, — заявила она.

Словом, этот вид бизнеса (хоть и не очень доходный, но более-менее стабильный) пришлось оставить из-за жены. А товар пропал. И пропали деньги. Однако сразу после этого Кирилл занялся мебелью. Вот тут впервые в жизни ему стало фартить. Он поставлял мебель клиентам прямо с мебельной фабрики, и конкурентов на тот момент у него не было. За те полгода, которые Кирилл занимался шкафами и кухонными гарнитурами, он не только расплатился с долгами, но и сколотил небольшой капитал. «Ну, кажется, я нашел свою нишу в бизнесе», — с облегчением вздохнул коммерсант и все не верил своему счастью, и ждал новых сюрпризов от жены. Но Лиана, казалось, исчерпала все свои сюрпризы. Однако рано радовался Кирилл...

Беда снова явилась неожиданно. На этот раз она изошла не от жены, а от тещи. С Лианой Кирилл немного приспособился. Он перестал давать свои рабочие телефоны и начал оставлять ей деньги на такси, чтобы она не дергала во время работы. Оставлял, конечно, не ей, а домохозяйке. Клавдия Петровна, шестидесятилетняя женщина с добрыми глазами и терпеливым характером,

была на редкость толковой. В последствии Кирилл неоднократно радовался, что не уволил ее в трудные для семьи дни. Ей-то он и доверял деньги на продукты и на поездки Лианы в бассейн и разного рода салоны.

— Она как дитя, — соглашалась Клавдия Петровна, пряча деньги под фартук.

— Хуже! — со вздохом соглашался Кирилл, отправляясь на работу. — Детям можно хотя бы что-то втолковать, а ей — бесполезно.

И вот однажды, как всегда в самый ответственный момент (менеджер вел переговоры по оптовым поставкам детских стенок) раздался телефонный звонок. Если бы Кирилл не снял трубку, сделка состоялась. И тогда бы он взлетел совсем на иную ступень в своем мебельном бизнесе. В последствии он неоднократно проклинал себя за то, что дернулся от звонка и инстинктивно схватил трубку.

— Я слушаю, — произнес он деловито, не сводя цепких глаз с клиента.

— Кирилл! — истерично воскликнула Лиана. — Срочно приезжай! С мамой плохо.

— Что с ней?

— Умирает!

Что оставалось делать бедному посреднику? Перенести переговоры на завтра и пулей рвануть на квартиру к теще. Кирилл застал ее живой и невредимой. Во всяком случае, не в постели с мутным взглядом. Она всего лишь заговаривалась и временами сильно напрягала лоб, словно старалась что-то вспомнить. Ее движения были замедленными и плавными, глаза неподвижными, а умирать — она не умирала.

Нина Григорьевна держала в руках солдатский ремень, который пыталась вырвать Лиана, но мать не давала.

— Мама, ну что с тобой? Успокойся! Все будет хорошо. Отдай ремень! Зачем ты полезла в сундук? — Лиана обернулась на влетевшего в квартиру мужа и плаксиво пожаловалась: — Как видит этот ремень, так с ней истерика. И почему я его не выкинула?

Нина Григорьевна подняла неподвижные глаза на зятя и с укором произнесла.

— А ведь ты, Степа, сам расстегнул ремень. И как ты умудрился? Ведь в твоих руках было два чемодана?

Кирилл вытаращил глаза, а Лиана принялась отчаянно трясти родительницу:

— Мама, это же Кирилл, мой муж! Неужели ты не видишь? У тебя началось как с дедом...

Вот тут впервые Кирилл и узнал, что их дед скончался в сумасшедшем доме.

Нина Григорьевна вскоре пришла в себя, признала Кирилла и попросила прощения за то, что спутала его с ефрейтором Каргановым.

— Каким ефрейтором? — удивился Кирилл.

— Ты разве не видишь, что мама бредит? — шепнула в ухо Лиана. — Отстань от нее.

Однако бедная женщина не бредила. Степан Карганов действительно существовал, и не просто существовал, а в данную минуту отдавал Богу душу в госпитале ветеранов Отечественной войны. Над ним плакала жена, две дочери и глотал слезы сорокалетний сын. Но взор умирающего был обращен к самой младшей, к самой любимой дочери Гале. Последние слова были адресованы ей. И они были весьма странными:

— Тебе, Галенька, предстоит расплатиться за нее. Я очень плохо поступил с ней. Господь это так не оставит. Прости!

Никто его слов не понял, кроме Галины. А она сразу догадалась, что отец имел в виду ту самую красавицу из Сургута. Ведь она однажды подслушала пьяный разговор папашки с его другом дядей Ваней, когда они выпивали на кухне.

— Знаешь, Ваньк, — полушепотом произнес отец. — Красивей, чем она, я больше и не встречал. Сейчас бы плюнуть на все и поехать к ней. Так ведь не простит...

— А чего же ты драпанул от нее? — пьяно ухмыльнулся дядя Ваня.

— А напугался. Она вроде как бы и не баба вовсе, а чистая балерина. Ну, как с такой жить?

— А балерина что же, по-твоему, не баба?

— Балерина — это балерина, а баба — это баба. Но моя была почище чем балерина. Чистая бабочка. Только крыльев не хватало.

— И ты такую обидел? — покачал головой собутыльник. — Жук ты, Карганыч! Вот ты кто...

Но, разумеется, ничего подобного Кирилл и близко не подозревал. Конечно, он поинтересовался у жены, кто такой ефрейтор Карганов. Уж не ее ли отец?

— Нет! — гордо ответила Лиана. — Мой отец был полковником милиции, начальником Уголовного розыска. Он погиб при исполнении служебного долга...

Хотя, честно сказать, в тот день прославленный родитель жены не особенно занимал Кирилла. Он думал об отложенных переговорах с козырным клиентом, предчувствуя, что сделка не состоится. И предчувствия его не обманули.

Сделка действительно не состоялась, поскольку клиент на следующий день самостоятельно вышел на дирекцию фабрики и купил такую крупную партию, на которой посредники в минуту становятся миллионерами. Более того, так получилось, что именно тот клиент и положил основу к

концу деятельности Кирилла на фабрике. Сразу после заключения сделки внештатного менеджера вызвал директор и с укором высказал, что он накручивает слишком большие проценты.

— Из-за этого наша продукция месяцами лежит на складе. Нам этого не надо. Запрещаю вам накидывать больше пяти процентов от стоимости...

Дальнейшая работа за такие проценты была лишена смысла. Кирилл принялся панически искать другой вид бизнеса, а в это время теще становилось все хуже и хуже. Ее болезнь прогрессировала не по дням, а по часам. Приходилось разоряться на частных врачей и на дорогостоящие лекарства. О том, чтобы работать полный рабочий день, не могло быть и речи. Нужно было целыми днями возить Нину Григорьевну по всяким медицинским учреждениям. Наконец, когда помешательство сделалось явным, тещу определили в психдиспансер. Лиана два месяца лила слезы, и Кириллу ничего не оставалось, как сидеть рядом с ней и с сочувствующим видом подавать платки.

— Ничего, вылечат. А как выпишут, возьмем к себе.

— Нужно было сразу брать к себе, — хныкала Лиана. — Теперь уже поздно. Деда так и не вылечили.

«Никак, у них это родовое», — с беспокойством подумал Кирилл и осторожно поинтересовался:

— У деда тоже началось ни с того, ни с сего?

— С чего ты взял, что у мамы ни с того, ни с сего? — истерично вскрикнула Лиана. — У всего есть причины и следствия. Мама очень скрытная, поэтому мы не знаем, что у нее было на душе. А дед тронулся умом из-за денег.

— Из-за денег? — удивился Кирилл.

— Мой дед был очень богатым. У него было более полмиллиона золотыми червонцами. Когда произошла революция, он успел забрать деньги из Российского банка и положить в Китайский.

— Почему в Китайский, а не в Швейцарский? — удивился Кирилл.

— Потому что он служил на Китайской границе. А моя бабушка очень хорошо знала Китай. Поэтому они и положили деньги в Китайский банк. Думали, что таким образом спасутся от национализации. Но тут в Китае произошла революция, и Китайские банки тоже национализировали. Вот мой дед и сошел с ума.

16

Это случилось летом 1924 года после подписания советско-китайского договора, который аннулировал все прежние договора между Китаем и царским правительством. Можно сказать, подписанный документ был последней каплей. А до этого все складывалось очень удачно. Нотариус не обманул. Он за три дня оформил наследство есаула Корягина на родную дочь Ульяну, и на четвертый день Дементьевы свободно сняли со счетов Никольск-Уссурийского банка все деньги. Нотариус, получив обговоренную сумму, отдал завещание Гришке и с таинственной улыбкой удалился.

Григорий в ту же секунду разорвал документ на мелкие клочки и с залихватским свистом пустил по ветру. Дементьевы возвратились в поселок с сундучком золотых червонцев и ночью закопали деньги в огороде. Они еще не решили, как поступить со своим богатством, но уже догадались, что среди капустных кочанов и картофельной ботвы деньги будут в более надежной сохранности, нежели в банке.

Гришка, из сословия голытьбы, не верил своему счастью. От радости он пустился в разгул, совершенно забыв, о семье, о службе и своем казацком долге. Впрочем, о каком долге могла идти речь, когда страну лихорадило от революции.

— Вот это проклял нас тесть! — радостно восклицал Гришка в приморских барделях. — Почаще бы так проклинал!

Он сорил золотыми монетами направо и налево, пил, гулял, угощал. Обзавелся многочисленными друзьями и подругами, совершенно забыв о жене. В себя он пришел только через полгода, когда Ульяна поставила вопрос ребром: либо она, либо его залихватская гармошка. Гришка подумал и выбрал жену. К этому времени он и сам почувствовал, что несколько перебрал с вином и бабами.

А Дальний Восток, между тем, напоминал вулкан. Советская власть не продержалась и двух месяцев. Генерал Харват распустил Советы на Китайско-восточной железной дороге, и после этого начался хаос. Офицерское казачество не поддержало генерала Харвата, но и власти большевиков тоже не признавала. Это привело к такому разброду, что казаки перестали подчиняться своим атаманам. Каждый стал сам себе голова. Почувствовав безнаказанность, многие принялись промышлять разбоем. Если бы не зарытые в огороде червонцы, возможно бы Гришка тоже подался в какую-нибудь банду, например, к есаулу Калмыкову.

Теперь об охране границы не могло быть и речи. Казаки предпочитали охранять не государственные рубежи, а свои собственные поселки. Причем, не от китайцев, а от

революционно настроенного мужичья. Китайская граница стала напоминать проходной двор. В это время в Китае тоже шла гражданская война, поэтому китайцы, занятые своими внутренними проблемами, не приняли участия в разделе Приморья. Более того, между китайцами и казаками сложились неплохие контрабандистские отношения.

Политика совершенно не интересовала Григория, как и большинство казаков Уссурийского войска. Он ходил из кабака в кабак, пил, играл на гармошке и ждал, когда японцы с белочехами окончательно свернут башку Советской власти. Но когда большевики подавили казацкий мятеж в Благовещенске, Гришка призадумался. «А не так уж они и слабы», — с удивлением подумал он и впервые за все это время проникся уважением к большевикам.

Если бы не закопанные в огороде червонцы, возможно Гришка после разгрома Гамова подался бы в красногвардейцы. Многие из казацкой голытьбы записались в гвардию, едва Приморский военный округ объявил мобилизацию в Красную армию. Но основная часть войска выжидала и наблюдала за тем, как донские казаки под предводительством Краснова рубали большевиков. Из казачьего начальства никто не сомневался, что рабоче-крестьянская власть не продержится и до лета. Куда им, безграмотным, неотесанным мужикам, против русского белокостного офицера?

На казачьих сходках докладывали, что Деникина против красных поддерживали Донские и Кубанские казаки. Оренбургское и Уральское войска поддерживали Дутова. Даже из соседнего Амурского войска казаки добровольно отправились в армию Карнилова и Алексеева.

Ходили страсти и в Уссурийском войске: кто победнее, сочувствовали большевикам, кто побогаче, активно ненавидели пролетарии все стран. Но ни те, ни другие не трогались с места, и сходились только в одном: быть поближе к своим личным хозяйствам.

Намеривался серьезно заняться хозяйством и Гришка Дементьев. Как-никак, ему от тестя достались приличные земли, и кое-какие охотничьи угодья. У покойного есаула было налажено небольшое производство по выделыванию шкур. У Григория даже возникла мысль, купить в городе фабрику по пошиву шуб. Но при такой царившей в стране неразберихе это было несбыточной мечтой. «Скорее бы раздолбили этих большевиков, чтобы все вернулось на круги своя». И тогда бы Григорий бросил служение отечеству и превратился бы в российского фабриканта. Тогда бы не он служил отчизне, а отчизна служила ему.

Но великим мечтам не суждено было сбыться. В феврале 1919 года началась насильственная мобилизация в белогвардейское войско. Так Григорий и попал в Белую армию Колчака, объявившим себя верховным правителем России. Дементьеву, ей Богу, не хотелось воевать ни на стороне белых, ни на стороне красных. Ему всей душой хотелось оборачивать капитал. В перерывах между боями казак вынашивал в голове грандиозные коммерческие проекты, между тем как его товарищи по оружию угрюмо точили шашки.

После того, как Григорий почувствовал, что красные одолевают, он дезертировал и вернулся в Екатериновку, которую, как после выяснилось, сожгли дважды: сначала партизаны, потом японцы. Когда Ульяна с радостным визгом бросилась в объятия вернувшемуся мужу, то первый вопрос Григория был таков:

— Целы ли червонцы?

— Целы! — радостно засмеялась Ульяна. — У нас тут все спалили и разграбили, а сундучок в огороде не нашли...

Вскоре во всем Приморье установилась Советская власть. Поползли слухи, что у казаков будут отбирать земли, а у особо зажиточных — экспроприировать имущество. Самих же казаков сгонят с насиженных мест в тайгу, а наиболее отличившихся в интервенцию — расстреляют. Вот тут и появилась серьезная опасность, что зарытое в огороде наследство экспроприируют вместе с огородом.

Той же ночью Деменьевы выкопали сундучок с червонцами, рассовали золото по мешочкам, погрузили добро на лошадь и подались в сторону китайской границы.

Ульяна знала безопасный путь через Уссурийскую тайгу до города Харбина. Двинувшаяся в путь пара не боялись китайских разбойников, она боялись наткнуться на своих же казаков, грабивших китайские поселения. Путь до Харбина был удивительно гладок. Добрались без единого приключения. Также без каких-либо препятствий они положили деньги в самый надежный банк Харбина, и в этот же день отправились обратно.

Собственно, Ульяна возвращаться не хотела. Она уговаривала мужа остаться в Китае, чтобы потом переправиться в Европу, поскольку в Китае тоже было неспокойно. Однако Григорий настоял на возвращении. Если бы он тогда послушал свою многомудрую супругу, все сложилось бы иначе. Но казак решил вернуться в Россию. Вовсе не из-за патристических побуждений, и не по причине ностальгии, и отнюдь не из-за казачьего долга перед Отечеством! Он хотел вернуться для того, чтобы продать свои охотничьи угодья и мастерскую по выделыванию шкур.

Что было дальше — не вообразишь и в бреду. Продать ему, разумеется, ничего не дали. Едва Григорий пересек границу, как его снова поставили под ружье. На этот раз большевики. Что было делать? Пришлось еще около года гоняться по тайге за остатками банд атамана Семенова. Впрочем, это был единственный способ избежать расстрела. Красные командиры возможно бы и

забыли о белогвардейском прошлом Дементьева, но он сам частенько напоминал им за кружкой самогона, что воюет по принуждению:

— Зря я не послушал, свою бабу. Сейчас бы сидел не в этой вонючей землянке, а в лучшем ресторане Европы. И пил бы не эту сивуху, а шампанское из самой Шампани.

— Да у тебя все замашки эксплуататора! — возмущались бойцы. — Ты это брось. А то мигом поставим к стенке, как врага советской власти...

Благодаря легкому ранению в плечо военная карьера Дементьева закончилась благополучно. Он снова вернулся в родную Екатериновку и первое, что услышал из уст метнувшейся навстречу жены, это то, что в Китае тоже революция.

— Не бойсь! — нахмурился Григорий. — Революции там идут с одиннадцатого года.

Однако после советско-китайского соглашения, которое позволило китайцам аннулировать все договора, заключенные с бывшими гражданами царской России, Григорий понял, что это еще хуже, чем национализация большевиков. В тот же день вне себя от отчаянья он исполосовал свое тело шашкой.

Раны впоследствии зажили, а помешательство, с буйным проявлением чувств, осталось. Григория поместили в клинику для душевнобольных во Владивостоке, где он вскоре и скончался. Вот тут Ульяна и вспомнила проклятие отца, что за всю жизнь к ним с Дементьевым не прилипнет ни копейки, а ежели прилипнет, ее сразу же отымут, и что род Дементьевых закончится в сумасшедшем доме.

17

Вечером в поселке Екатериновка у дома № 38 прапорщик Кондратьев случайно столкнулся с участковым Житковым. Пожав коллеге руку, участковый поинтересовался, кивнув на дом:

— Сюда?

— Так точно, — ответил прапорщик.

— А что случилось?

— Хозяйка ночью выпала из окна. И прямо башкой в клумбу. Сейчас лежит в больнице с черепно-мозговой травмой.

— Сама вывалилась, или муж помог? — радостно улыбнулся участковый.

— Сама. Муж в это время был в Казани. — Кондратьев тяжело вздохнул и покачал головой. — А я откуда знал? Мы подъехали на сработку. Звоню к ним, не отвечают. Смотрим, хозяйка лежит голый в клумбе без признаков жизни. Что делать? Ну, думаю, бандиты затаились в доме.

— И ты, конечно, приказал взломать замок под личную ответственность, — улыбнулся участковый. — Ворвались в дом, а там никого.

— Так точно, — развел руками прапорщик. — Хотел, как лучше...

— А получил геморрой, — закончил участковый. — Отсюда правило: никогда не бери ответственность на себя, а возлагай ее на старшего по званию. Иначе быстро вылетишь из органов. Ну и, как я понял по твоему виду, хозяин предъявил вам иск?

— На словах уверил, что претензий к милиции не имеет. Но это все так говорят. А как доходит дело до протокола, тут сразу и претензии. Вот такие пироги. А ты их знаешь? — кивнул прапорщик на дом.

— Можно сказать, нет, — поморщился участковый. — Прежнего хозяина знал хорошо. Он был довольно известной фигурой в криминальном мире. Его кличка Хрящ. Слышал, наверное. Ныне отбывает наказание. Вот каким образом особняк Хряща перешел к нынешнему владельцу, тут я сказать затрудняюсь? По закону, дом должны конфисковать. Одним словом, история тут темная. Кстати, — подмигнул участковый, — как хозяйке помогло вылететь?

— Говорит, что за ней гнался черный человек.

— Тогда понятно, — вытянул губы участковый. — Передозировка. Надеюсь, у ее мужа хватит ума не подавать заявления. Иначе дело передадут мне. А у меня эти наркоманы вот где сидят. Ты его пугни на всякий случай, типа того, если вскроется, что жена употребляет, ему неприятностей до конца жизни.

— Сделаю, что смогу, — пообещал прапорщик. — Значит, думаешь, она обкололась?

— Не обкололась, а нанюхалась. Если у нее глюки, значит токсикоманила. Уж поверь мне. Я на этих делах собаку съел.

— Я как-то не подумал? — задумался Кондратьев. — А ведь дважды вызывала милицию. Вот наглости у тетки. Просто сумасшедший дом!

— А вот здесь ты прав! — засмеялся участковый. — На этом месте действительно был сумасшедший дом. Этот особняк, кстати, один из его корпусов. Потом больницу снесли, а корпус оставили. Его прибрал к рукам Хрящ. Ну, как видишь, реконструировал, оттяпал тридцать соток земли и вступил в законные права. Так что не удивляйся, но ты сейчас идешь в сумасшедший дом в полном смысле этого слова.

Часть вторая
ВСТУПЛЕНИЕ В ЗАКОННЫЕ ПРАВА

Скачать полную версию можно на главной странице